

ДОРАН БИНЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ

Р О М А Н

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА

Лоран Бине

Цивилизации

«Издательство Ивана Лимбаха»

2019

УДК 821.133.1-31"20" 161.1 = 03.133.1
ББК 84 (4 Фр) 6-44

Бине Л.

Цивилизации / Л. Бине — «Издательство Ивана Лимбаха», 2019

ISBN 978-5-89059-421-1

Роман «Цивилизации» (2019) описывает альтернативную историю открытия Америки: инки во главе с легендарным Атауальпой прибывают в Старый/Новый Свет и становятся завоевателями, политическими стратегами, реформаторами — и даже антропологами, когда пытаются расшифровать ритуалы и перенять обычаи коренных народов Европы. В романе фигурируют император Карл V и представители королевских династий Европы первой половины XVI века, священник Мартин Лютер, банкир Антон Фуггер, мыслители Томас Мор и Эразм Роттердамский, воин и будущий литератор Мигель де Сервантес. Автор экспериментирует, соединяя литературные жанры — скандинавский эпос, дневники, письма, поэзию, авантюрный роман. Книга ставит под сомнение, если не опровергает, наши предрассудки в отношении иерархии цивилизаций, при этом автор соблюдает точность в репрезентации исторического фона происходящих событий.

УДК 821.133.1-31"20" 161.1 = 03.133.1

ББК 84 (4 Фр) 6-44

ISBN 978-5-89059-421-1

© Бине Л., 2019

© Издательство Ивана Лимбаха, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	12
1. Эйрик	12
2. Фрейдис	13
3. К югу	14
4. Земля Утренней Зари	15
5. Куба	17
6. Чичен-Ица	19
7. Панама	22
8. Ламбаеке	23
9. Смерть Фрейдис	24
Часть вторая	25
Часть третья	41
1. Падение кондора	41
2. Отступление	43
3. Путь на север	45
4. Куба	48
5. Баракоа	49
6. Уаскар	50
7. Лиссабон	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Лоран Бине
Цивилизации

Programme
A Pouchkine

*Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин»
при поддержке Французского института при Посольстве Франции в России*

*Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié
du soutien de l'Institut français près l'Ambassade de France en Russie*

LAURENT BINET
CIVILIZATIONS

Editions Grasset & Fasquelle

Paris
2019

*Переводчик благодарит Лорана Бине за ценные пояснения, облегчившие работу над этой
книгой, а также Анну Беспятовых и Екатерину Цыганову за помощь в поиске творческих реше-
ний*

© Editions Grasset & Fasquelle, 2019

© А. Б. Захаревич, перевод, предисловие, примечания, 2021

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2021

© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

Предисловие

12 октября 1492 года Христофор Колумб, за два с небольшим месяца до этого покинувший со своей экспедицией испанский город Палос-де-ла-Фронтера, достигает восточных берегов Индии – так он, судя по всему, в тот момент полагает. Однако в романе Лорана Бине «Цивилизации» дальнейшие события складываются иначе, чем об этом рассказывается в учебниках истории. Первооткрывателю Америки не суждено вернуться из дальнего странствия, и в результате Новым Светом становится Европа – ее колонизует цивилизация инков.

А может, точка бифуркации находится раньше? Ведь, в отличие от обстоятельств, описанных в романе, у коренного населения Америки до появления испанцев не было ни технологии обработки железа, ни лошадей. Задаваясь вопросом, с какого момента развивается «эффект бабочки», мы вынуждены признать, что ответа на него нет. История не терпит сослагательного наклонения, зато игра в альтернативную историю (что было бы, если...) может оказаться очень увлекательной.

Отцом этого жанра принято называть Тита Ливия. В девятой книге «Истории Рима от основания города» он описывает гипотетическое столкновение римлян с силами Александра Македонского – если бы его жизнь скоростно не оборвалась и если бы он обратил свои интересы в сторону Запада.

Конструирование вымышленной исторической действительности как литературное направление складывается с середины XIX века в Европе, а следом и в Америке. Появлением термина «ухрония» (*uchronia*) мы обязаны философу-неопозитивисту Шарлю Ренувье. Этот неологизм впервые встречается в его книге «Ухрония, или Историческая утопия. Исторический очерк развития европейской цивилизации, каким оно могло быть, но не стало» (1876). Иначе говоря, ухрония – описание прошлого, которого не было. Слово образовано так же, как и «утопия», которое вынес в заглавие своего знаменитого сочинения Томас Мор. Утопия, несуществующее место (от греческого οὐ, «не», и τόπος, «место», то есть «место, которого нет»¹), и ухрония, «несуществующее время» (χρόνος), – безусловно, родственные, хотя и не идентичные понятия.

Тематика произведений, созданных в этом жанре, разнообразна: жизнь Древнего мира, Великая французская революция, Война за независимость США, альтернативный исход покушения на Джона Кеннеди. Одним из первых классических примеров можно назвать опубликованный в 1836 году роман Луи Жоффруа «Наполеон и завоевание мира: 1812–1832. История всемирной монархии». Во второй половине XX века появилось немало версий, связанных со Второй мировой войной – от утопических (например, в одной из сюжетных линий романа Эрика Эммануэля-Шмидта «Другая судьба» Адольф Г. все-таки становится художником) до весьма мрачных, показывающих, каким был бы мир, если бы противостояние нацистской коалиции закончилось поражением (как в романе «Человек в высоком замке» Филипа К. Дика).

Книги, показывающие воображаемую историческую реальность, есть и в каталоге издательства Ивана Лимбаха – пусть не все из них можно отнести к ухронии. Роман «Братство охотников за книгами» Рафаэля Жерусальми – вымышленная история жизни Франсуа Вийона после того, как в 1463 году он был изгнан из Парижа. «Чарующий мир» Рейнальдо Аренаса – биография монаха-доминиканца Сервандо Тересы де Мьера, переосмысливающая историографическую традицию и даже пародирующая ее. Лоран Бине в другом своем романе, «Седьмая функция языка», в парадоксально-пародийном ключе трактует обстоятельства прихода к власти Франсуа Миттерана, а многих знаменитых интеллектуалов довольно смело перено-

¹ Первая часть слова трактуется также как εὖ, «благо» – то есть «благое место».

сит в неожиданные ситуации, сопровождающие расследование обстоятельств гибели философа Ролана Барта.

«Цивилизации» – третий роман Лорана Бине, опубликованный на русском языке. Как и два предыдущих – уже упомянутую «Седьмую функция языка» и «НННН» (исторический роман об операции по ликвидации в 1942 году в Праге нацистского идеолога Рейнхарда Гейдриха), – его отличает документальность подхода. Почти все, что, на первый взгляд, кажется фантазией автора, здесь не случайно: на втором плане всегда присутствуют источники фактов, исторических реалий, текстов, которые используются в виде скрытых цитат.

Формальная игра в выстраивание вымышленного мира, пространства романа из «кубиков» историко-культурного материала сама по себе не проста, но, чтобы скрыть весь этот остов под захватывающим непредсказуемым сюжетом, требуется мастерство романиста. Внимательный и подготовленный читатель наверняка оценит фундаментальный бэкграунд, чуть менее опытный – сюжет и непринужденность письма. Возможность многоуровневого прочтения – бесспорное достоинство авторского метода Бине.

Правила этой формальной игры, заданные в романе «Цивилизации», требуют, чтобы переписывание истории происходило с максимальной исторической точностью. У всех действующих лиц романа есть реальные прототипы. Сведения о них читатель может найти в примечаниях. Правители (Атауальпа, император Карл V, король Франциск I – лишь главные представители этой галереи), государственные мужи (Лоренцо Медичи, Мишель де Монтень), духовенство (Тавера, Меланхтон, Лютер, Пий V), воины (полководцы Чалкучима, Руминьяви, Кискис, адмирал Колиньи), пираты (Барбаросса, Дрейк), банкиры (Фуггер), творцы (Тициан, Микеланджело, Сервантес, Эль Греко) – всех своих персонажей автор скрупулезно вводит в исторический контекст. Бине не просто придумывает альтернативный сюжет: он постепенно и очень последовательно отходит от того, как все было на самом деле (точнее, от того, что нам об этом известно). Сохранены обстоятельства, независимые от людей, – как лиссабонское землетрясение 1533 года. Есть игра случая: в романе, в отличие от реальной истории, противостояние двух братьев-соперников приводит к поражению Атауальпы, а не Уаскара. Но в целом по ту сторону Океанического моря, в Старом Свете, ставшем Новым, вымышленный исторический контекст поначалу не так уж сильно отличается от того, что мы знаем об этом времени. Конечно, кое-чего явно не хватает: не началась колонизация Америки, но в остальном все идет своим чередом: правители занимаются политикой и ведут войны, испанская инквизиция преследует еретиков, в Германии распространяется лютеранство и еще не забыты недавние крестьянские бунты. Лишь появление чужеземцев постепенно начинает менять известный нам ход событий и судьбы их участников – порой роковым образом.

В романе есть всего один персонаж, получивший имя, но оставшийся без реального прототипа. Кто он, оставим догадаться читателю. Подсказкой должно послужить его ремесло.

Среди документальных и литературных источников, бесчисленных скрытых цитат, создающих своеобразный «культурный слой» текста, к которым обращался Бине в работе над романом, стоит назвать хотя бы некоторые. В первой части, «Сага о Фрейдис Эйриксдоттир», это исландский эпос, главным образом (но не исключительно) – саги винландского цикла: «Сага о гренландцах» и «Сага об Эйрике Рыжем». Их канва то более заметна – особенно вначале, то обозначена пунктиром, но продолжает соединять вымышленное действие с тем, что мы воспринимаем как историческую реальность, сохраненную в этих литературных памятниках.

Во второй части, «Дневник Христофора Колумба», канвой служит подлинный дневник мореплавателя – поначалу хроника первой экспедиции повторяется почти слово в слово, но по мере того, как меняется ход событий, возникают расхождения. Цитируются в этой части и более поздние хроники, а также письма, обращенные к «их величествам», католическим королям Изабелле и Фердинанду. Даже мрачный настрой последних записей подсказан не столько

авторской фантазией, сколько духом пессимизма, характерным для документов, написанных первооткрывателем Америки в конце жизни.

Забегав вперед, отметим, что литературным фоном завершающей четвертой части, «Похождения Сервантеса», как легко догадаться, станет роман прототипа одного из главных персонажей – «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». А в завершающих главах появятся отсылки к «Опытам» Мишеля Монтеня, философа и государственного деятеля – еще одного участника событий.

Дополняя содержание «Цивилизаций», эти источники задают и жанрово-стилевые особенности каждой части – скандинавский эпос, дневник, авантюрно-приключенческий роман в сочетании с философскими рассуждениями. При этом текст не становится откровенной стилизацией, язык Бине остается современным и обогащается благодаря литературной и исторической основе.

Третью часть, основную и самую объемную (более двух третей всей книги), можно отнести к традиционному историческому повествованию. Однако эта стройная на первый взгляд конструкция не чужда эклектизма. Частью общей игры становится жанровая игра. Здесь также много отсылок к литературным источникам. Поэмы Лудовико Ариосто о Роланде, повесть «Жизнь Ласарильо с Тормеса», «Государь» Никколо Макиавелли, которые цитируются или описываются в тексте, были в некотором смысле бестселлерами своего времени. (Заметим, что, цитируя «Жизнь Ласарильо» в главе «Саламанка», Бине позволяет себе отступить от точной хронологии: повесть была издана на пару десятилетий позже описываемых в романе событий, в 1554 году. Но роман – вымысел, да и то обстоятельство, что произведение анонимного автора вышло сразу в нескольких отличавшихся друг от друга версиях, допускает подобное отступление.)

Литературный первоисточник есть и у поэтических фрагментов, пунктиром проходящих через третью часть, пока инки, по сюжету, осваиваются в незнакомом и чуждом для себя мире, рискуя в любой момент погибнуть. Поэма «Инкиады» – это весьма близкое к литературному оригиналу переложение эпической поэмы классика португальской литературы Луиша де Камозенса «Лузиады». Это произведение, не менее значимое для португальцев, чем, к примеру, «Божественная комедия» в Италии, посвящено становлению португальской нации и открытию новых восточных земель – тех самых Индий (как называли страны Южной и Восточной Азии), путь к которым пытался проложить Колумб.

И еще один жанр органично дополняет третью часть. Письма Томаса Мора и Эразма Роттердамского (в которых также не обходится без скрытых цитат), а затем – Игуэнамоты, Атауальпы и других героев, вовлеченных в новый поворот сюжета, словно предвосхищают расцвет эпистолярного романа, который случится в литературе спустя почти два столетия, когда появятся произведения Монтескье, Руссо или Шодерло де Лакло.

Для историков, в разные времена занимавшихся изучением цивилизации инков, важный источник информации – хроники XVI века, оставленные непосредственными свидетелями и участниками конкисты, испанской колонизации Америки. Один из авторов, у которых Бине заимствует материал для своего романа, – Франсиско де Херес (1497–1565). Любопытно, что его книга «Подлинный рассказ о завоевании Перу и провинции Куско, называемой Новой Кастилией», вышедшая в 1534 году, стала полемичным ответом другому конкистадору, Кристобалю де ла Мене, вероятному автору публикации «Завоевания Перу, называемого Новая Кастилия», появившейся несколькими месяцами ранее. Авторские баталии вокруг актуальной темы, знакомые нам по современной литературной жизни (и не обошедшие самого Бине), происходили уже тогда.

Еще один автор, обогативший сюжет «Цивилизаций», – Берналь Диас дель Кастильо (1492–1584), участник экспедиции Кортеса, написавший «Правдивую историю завоевания

Новой Испании». В роман попали некоторые упомянутые в этом труде события, перенесенные в другую часть света (например, эпизод с поджогом храма в Толедо).

Но наиболее содержательный и часто используемый источник – «История государства инков». Автор этого труда, опубликованного в начале XVII столетия, – дитя слияния двух миров, характерного для колонизации Америки и в перевернутом виде проиллюстрированного в «Цивилизациях». Инка Гарсиласо де ла Вега (1539–1616) – потомок испанского доната, губернатора Куско, и инкской принцессы, племянницы Уайны Капака, Верховного инки, которого Бине изображает в начале третьей части романа. Судьба де ла Веги осталась за рамками этой книги (не будем путать его с поэтом Гарсиласо де ла Вегой, сподвижником Карла V), но вполне могла бы стать одной из сюжетных линий. Родившись в Куско, этот «первый латиноамериканец», как его нередко называют, в двадцатилетнем возрасте перебрался в Испанию, где получил хорошее образование, а также успел побывать на военной службе. Не напоминает ли это о Мигеле де Сервантесе, с которым – так уж совпало – они скончались в один год с разницей в один день? Фундаментальное исследование де ла Веги несколько веков оставалось наиболее авторитетным и насыщенным источником знаний о цивилизации инков и подробно рассказывает о становлении и развитии империи до начала колонизации. Отдельные допущенные автором неточности и противоречия, на которые указывают исследователи более позднего времени, не умаляют достоинств этого труда.

О неточностях «я поведаю вам как-нибудь в другой раз», – сказал бы незримо присутствующий на страницах романа автор инкских хроник. Фигура автора – как еще один персонаж – появляется во всех романах Лорана Бине. В «Цивилизациях» автор подчеркнуто беспристрастен и увиден в тень настолько, что его присутствие парадоксальным образом не вызывает сомнений: ведь как бы он ни старался, его выдают редкие оговорки от первого лица – и читатель, конечно же, готов сделать вид, будто их не заметил! Не прототип ли автора – Инка Гарсиласо де ла Вега? Их связывает хотя бы то, что оба, прежде чем взяться за перо, побывали на военной службе. Впрочем, это всего лишь фантазия – на роль автора в романе есть и другие претенденты.

В то же время «Цивилизации» – не только роман-хроника. Это еще и визуальный роман. Красочные описания Лиссабона, Гранады, Флоренции и других калейдоскопом сменяющихся мест точно соотносятся с реальной топографией и настолько подробны, что текст обретает кинематографичность. Предстают ли перед читателем залы крепости Альгамбра или фамильный замок Монтеня, эффект присутствия неизменен. Дьявол в деталях: мозаичное панно с белой колонной и девизом Карла V в его дворце в Гранаде, колючая маковка замковой церкви в Виттенберге, придающая ей схожесть с перевернутой черной розой, – все это можно увидеть воочию, побывав в тех местах или хотя бы посмотрев фотографии. «Тапир, из морды которого торчал большой рог», привлекает внимание прибывших в Новый Свет инкских странников на стене сооружения, в котором без труда узнается лиссабонская башня Белен. Экзотическое животное – правда, не рогатый тапир, а носорог, впервые привезенный в Европу в 1514 году, – как и другие скульптурные изображения, уже который век действительно украшает эту фортецию.

Первая четверть XVI века – эпоха Высокого Возрождения, время творчества великих мастеров, кульминация культурного и духовного расцвета Европы. Произведения искусства – мощное средство трансляции идей, свидетельство престижа и предмет коммерции. К тому моменту, когда разворачиваются основные события романа, Леонардо да Винчи, Рафаэль и Джорджоне уже успели покинуть этот мир, но еще здравствуют Тициан и Микеланджело – в романной реальности им дано создать грандиозные произведения. Тициан пишет масштабные «исторические» полотна с участием Верховного инки и его приближенных. Микеланджело реализует планы, которые его прототипу не удалось осуществить в реальности: строит мрамор-

ную усыпальницу (вспомним трагедию мастера, связанную с усыпальницей папы Юлия II) и возводит храм, соединив тем самым старую и новую религии.

Между тем, подобно литературным произведениям, представленным в романе в виде скрытых цитат, живописные работы, сохраненные историей живописи, также живут – и оживают – на его страницах. Портретные описания знатных и влиятельных персонажей «Цивилизаций» зачастую «списаны» с реальных портретов их прототипов. Атауальпа на многих исторических изображениях предстает в венце с кистями и плюмажем, как в сцене разговора с полководцем Руминьяви на берегу моря. Облик Антона Фуггера, принимающего Верховного инку в своем доме в Аугсбурге, в точности повторяет детали одного из портретов кисти Ханса Малера, где банкир изображен в черной мантии, широкой шляпе, с тщательно убранными волосами и художественно выющейся бородой. Благодушный с виду понтифик Пий V и правда как будто машет рукой на портрете, созданном Эль Греко.

С живописного холста сошел в текст романа император Карл V – его «крокодилия челюсть и длинный, как у тапира, нос» узнаваемы почти на всех известных портретах. Рядом с ним – длиннолапый белый пес, свидетельствующий о высоком положении хозяина. Их образы, несомненно, перенесены с полотна Тициана, написанного около 1533 года. Казалось бы, именно ему, зрелому и признанному художнику, должен был позировать император. Однако выполнена эта знаменитая вещь, хранящаяся ныне в музее Прадо, с другого портрета – что в истории живописи отнюдь не редкость. Автор работы, появившейся годом ранее, – австрийский живописец Якоб Зайзенеггер. Портреты повторяют друг друга композицией и, если не рассматривать живописную технику и творческую манеру, различаются лишь некоторыми деталями. У Зайзенеггера собаке досталось больше пространства – и при сравнении двух изображений животного обнаруживается интрига: если у Тициана статный император положил руку на ошейник спокойного, рассудительного пса, своего верного друга, то у Зайзенеггера и образы более эмоциональны, и пол собаки – учитывая нюансы ее анатомии, да и вычурную пряжку ошейника, – едва ли можно определить однозначно. Метаморфоза, произведенная Тицианом, несомненно намеренная и кардинально меняет восприятие образа. Произвольный жест художника сродни прихотливой игре с реальностью, которую мы наблюдаем в романе.

Само его название – *Civilizations* – подразумевает игру. Появление z вместо s, как требовала бы французская орфография, – отсылка к орфографии американской. Но вольно или невольно автор оставляет читателю место и для других ассоциаций. Такое название может показаться знакомым поклонникам популярной во всем мире компьютерной игры (*Civilization*), версии которой регулярно обновляются уже три десятка лет. Задача игрока – построить собственную цивилизацию (читаем: империю) и стать ее полноправным правителем. «Объявляйте войны, ведите переговоры, развивайте культуру и бросьте вызов лидерам», – призывает описание на сайте игры. Не этим ли заняты персонажи романа Бине? И нет ли в том, что с ними происходит, сходства с событиями реального времени, в котором продолжает развиваться история современных цивилизаций?

Анастасия Захаревич

Искусство дает жизнь тому, что убила история.

Карлос Фуэнтес.

Сервантес, или Критика чтения

По причине этого беспорядка, в котором они жили без всякого согласия, их можно было очень легко завоевать.

Инка Гарсиласо де ла Вега.

*История государства инков*²

² Перевод В. Кузьмищева. Здесь и далее примечания переводчика. Примечания, помеченные цифрами, см. в конце книги.

Часть первая

Сага о Фрейдис Эйриксдоттир

1. Эйрик

Жила когда-то женщина по имени Ауд Мудрая, дочь Кетиля Плосконосого, и была она королевой – вдовой Олава Белого, короля-воителя Ирландии. После смерти супруга она отправилась к Гебридским островам и добралась до Шотландии, где ее сын, Торстейн Рыжий[1], стал королем, но потом шотландцы предали его, и пал он на поле брани.

Как узнала Ауд о смерти сына, вышла она в море вместе с двадцатью вольными людьми и отправилась в Исландию, где поселилась в землях, простиравшихся от Завтрачного мыса до Шумной реки.

Прибыли с ней многие благородные некогда мужи: викинги пленили их в западных походах, и теперь они считались рабами.

Жил когда-то человек по имени Торвальд, из-за дела кровавого покинул он Норвегию, и был с ним сын, Эйрик Рыжий. Были они хлебопашцами, землю возделывали. Однажды Эйольв Дермо, родич соседа Эйрика, убил рабов одного за то, что из-за них случился оползень. Эйрик убил Эйольва Дермо. А заодно и Храфна Драчуна[2].

Тогда его прогнали.

Поселился Эйрик на Бычем острове. Как-то раз он одолжил соседу скамьевые доски, а когда назад потребовал, тот отказался отдавать. Подрались они, и были убитые. И снова прогнали его по решению тинга[3] Мыса Тора.

В Исландии он оставаться не мог, и в Норвегию вернуться было нельзя. Потому выбрал он путь к земле, которую разглядел сын Ульва Вороны[4], когда сбился с пути и отклонился к западу. Землю эту Эйрик нарек Гренландией и сказал, что люди с великой охотой туда подадутся, если у края название будет красивым.

Женился он на Тьодхильд, внучке Торбьёрг по прозвищу Корабельная Грудь, и имел от нее много сыновей. А от другой жены имел дочь. Звали ее Фрейдис[5].

2. Фрейдис

О матери Фрейдис нам ничего неизвестно. Но от отца, Эйрика, унаследовала она, как и ее братья, тягу к странствиям. Однажды села она на судно, которое ее сводный брат Лейв Счастливым дал Торфинну Карлсефни [6], чтобы тот добрался до Винланда [7].

Пошли они на запад. Сначала пристали в Маркланде [8], потом добрались до Винланда, где нашли становище, оставшееся здесь от Лейва Эйрикссона.

Места показались им красивыми, богатыми лесом, он рос близко к морю, берега покрывал белый песок. Там было много островов и отмелей. Длительность дня и ночи различалась не так сильно, как в Гренландии или Исландии.

А еще были скрелинги, они походили на троллей, только низкорослых. Они не принадлежали племени одноногих [9], о котором рассказывали странникам, но кожа у них была смуглая, а ткани любили они красного цвета. На ткани из своих запасов гренландцы стали выменивать шкуры животных. Так пошла торговля. Но однажды ревущий бык Карлсефни вырвался из загона и распугал скрелингов. В ответ те напали на становище и обратили бы в бегство людей Карлсефни, если бы не Фрейдис: видя, что гренландцы вот-вот кинутся прочь, она пришла в ярость, схватила меч и ринулась на нападавших. Порвав на себе исподнее, она стала хлестать мечом по груди, осыпая скрелингов бранью. В лютном бешенстве кляла она своих спутников за трусость. Тогда гренландцы устыдились и повернули назад, а скрелинги в страхе перед разъяренной великаншей бросились врассыпную.

Фрейдис была беременна, и нрав у нее был дурной. Она поссорилась с двумя братьями, своими союзниками, и решила завладеть их кораблем, ведь он был больше, чем у нее. Поэтому она приказала своему мужу Торварду [10] убить их и всех мужчин при них, что и было сделано. Фрейдис же зарубила секирой их жен.

Прошла зима, приближалось лето. Но Фрейдис не решила вернуться в Гренландию, опасаясь гнева брата Лейва, а ему наверняка стало известно, что она виновна в убийстве. Только чувствовала она, что теперь ей не доверяют и не очень-то рады в становище. Она снарядила корабль двух братьев и отправилась в путь вместе с мужем, небольшой командой, скотом и лошадьми. Узнав, что она отбывает, маленькое поселение в Винланде вздохнуло с облегчением. Но перед выходом в море она сказала им: «Я Фрейдис Эйриксдоттир, и я даю слово, что еще вернусь».

Они направились на юг.

3. К югу

Широкобрюхий кнорр [11] шел вдоль берега. Случилась буря, и Фрейдис воззвала к Тору. Корабль чуть не разбился о скалы. Животные в трюме от ужаса ревели так, что люди готовы были скинуть их за борт, а то еще перевернут корабль. Но в конце концов гнев божества утих.

Идти по морю пришлось дольше, чем они думали. Команда не могла найти место, чтобы пристать: слишком высоки были прибрежные утесы, а когда обнаруживался отлогий берег, они видели скрелингов, которые грозно потрясали луками и метали камни. Поворачивать на восток было поздно, а идти назад Фрейдис не хотела. Люди ловили рыбу для пропитания, некоторые попытались утолить жажду морской водой и слегли больными.

В тот день, когда ни один из северных ветров не пожелал прийти им на помощь и надуть паруса, меж скамьями, где сидели гребцы, Фрейдис разродилась мертвым младенцем, которого нарекла Эйриком, в честь деда, и предала его волнам.

Наконец они нашли бухту, где смогли пристать.

4. Земля Утренней Зари

Бухта была такой мелкой, что до песчаного берега удалось добраться пешим ходом. Скот они взяли с собой самый разный. Место было красивое. Оставалось только как следует его изучить.

Здесь были луга и леса, где деревья росли, не мешая друг другу. Дичь водилась там в изобилии. В реках полно было рыбы. Фрейдис и ее спутники решили устроить становище у косогора, где нет ветров. Пищи хватало, и они договорились здесь перезимовать – догадывались, что местные зимы мягче или уж всяко короче, чем в их родных краях. Те, кто помоложе, родились в Гренландии, остальные были из Исландии или Норвегии, как отец Фрейдис.

Но как-то раз они ушли вглубь суши дальше обычного и набрали на возделанное поле. Ровными рядами там были высажены растения, напоминавшие желтые ячменные колосья, с хрустящими и сочными зернами. Так они узнали, что, кроме них, здесь есть кто-то еще.

Им тоже захотелось выращивать хрустящий ячмень, но, как это делается, они не знали.

Прошло несколько недель, и однажды на вершине холма, возвышавшегося над становищем, появились скрелинги. Были они рослыми и крепкими, тела их лоснились, а лица покрывали длинные черные полосы, и это испугало гренландцев, но больше никто не посмел бежать при Фрейдис, дабы не прослыть трусом. Да и скрелингов, казалось, привела не враждебность, а любопытство. Один гренландец хотел их задобрить и подарить небольшой топор, но Фрейдис запретила и вручила взамен жемчужное ожерелье и железную брошь. Видно, подарок пришелся скрелингам по душе: они стали передавать его из рук в руки и о чем-то переговариваться, а потом Фрейдис и ее спутники поняли, что их зовут в деревню. Приглашение приняла одна Фрейдис. Ее муж и спутники остались в становище, и вовсе не оттого, что испугались неизвестности, просто нечто похожее с ними уже случалось, и тогда они чуть не погибли. Они решили: пусть Фрейдис будет их посланником и представляет остальных, что немало ее насмешило, ведь она понимала, что никому из них не хватит смелости отправиться с ней. Она снова их выбрала, но на этот раз даже стыд не помог. И пошла Фрейдис со скрелингами; они натерли ее белую кожу и рыжие волосы медвежьим жиром, а потом все направились вглубь болот на лодке, выдолбленной из ствола дерева. Она легко вместила десятерых, ведь деревья в этом краю были огромными. Уплыла лодка вдаль и исчезла вместе с Фрейдис и скрелингами.

Возвращения ждали три дня и три ночи, но искать никто не пошел. Даже Торвард, муж Фрейдис, и тот не рискнул податься на болота.

А на четвертый день она вернулась, и с ней был вождь скрелингов: он носил яркие украшения в ушах и на шее. Волосы у него были длинные, но одна половина головы выбрита, а статью он отличался такой, что и не описать.

Фрейдис поведала спутникам, что они в Земле Утренней Зари и скрелинги здесь называют себя народом Первого Света. Они ведут войну с другим народом, живущим дальше к западу, и, как считала Фрейдис, им следовало помочь. Когда спросили ее, как поняла она их язык, она рассмеялась и ответила: «А ну как я вёльва?» [12] Она подозвала того, кто хотел подарить скрелингам топор, и велела отдать оружие пришедшему с ней сахему (так они называли вождей). Спустя девять месяцев она родит дочь, которую назовет Гудрид, как свою бывшую невестку, жену Карлсефни и вдову Торстейна Эйрикссона [13], которую всегда ненавидела (но стоит ли говорить о тех, кто к этой саге отношения не имеет?).

Небольшое поселение выросло по соседству с деревней скрелингов, и они мало того, что мирно уживались, так еще и помогали друг другу. Гренландцы научили скрелингов находить в торфе железо, обрабатывать его и изготавливать топоры, копья, наконечники для стрел. Так скрелинги обзавелись надежным оружием и разбили своих врагов. В обмен они научили гренландцев выращивать хрустящий ячмень, высаживая зерна в окученную землю вместе с фасо-

лю и тыквой, чтобы ростки оплетались вокруг высоких стеблей. Теперь гренландцы могли подготовить запасы на зиму, когда будет меньше дичи. Они только и мечтали остаться в этом краю. И в залог дружбы подарили скрелингам корову.

Но случилось так, что скрелинги стали болеть. Сперва на одного нашла лихорадка, и он умер. А вскоре люди начали умирать один за другим. Гренландцы перепугались и решили убраться восвояси, но Фрейдис была против. Напрасно спутники убеждали ее, что рано или поздно эпидемия доберется и до них, – она отказывалась покидать деревню, которую они построили, и стояла на том, что здесь урожайная земля и никто не поручится, что в других местах они встретят таких же мирных скрелингов и смогут с ними торговать.

Однако болезнь настигла и статного сахема. Как-то раз, когда он вернулся в свой дом (это был шатер на изогнутых опорах, покрытый полотнищами из древесной коры), привиделось ему, будто какие-то мертвецы вповалку лежат на пороге, а гигантская волна смывает его деревню и поселение гренландцев. Затем видение исчезло, он слег, охваченный жаром, и велел позвать Фрейдис. Когда она встала у его изголовья, он что-то прошептал ей на ухо, и слышала это только она, а после сказал так, чтобы слышали все: хорошо тем, кто в этом мире всюду находит свой дом, и дар странников, открывших его народу железо, никогда не будет забыт. Сказал он и о Фрейдис, что ее ждет великая судьба, как и ее дитя. И впал в забытие. Фрейдис всю ночь провела возле него, а к утру тело его охладело. Тогда она вернулась к своим и сказала: «Вот теперь пора загонять скот на кнорр».

5. Куба

Фрейдис хотела и дальше идти на юг. Много недель плыли они вдоль берега, и вот уже все запасы на борту кончились, оставалось только ловить рыбу и собирать дождевую воду, однако, где бы ни казалась им подходящей земля, Фрейдис не желала сходить на сушу, чем умножала сначала недовольство, затем недоверие и, наконец, гнев своих спутников. Фрейдис говорила им: «Мало вам случалось быть на волосок от смерти? Хотите стрелу в брюхо от одноножки? (Именно так погиб другой ее сводный брат, Торвальд, сын Эйрика, и она знала, что тот роковой случай все хранят в памяти [14].) Мы пойдем до самого конца, а нет – умрем в море по прихоти Ньёрда или по воле Хели [15]». Но где тот конец пути, о котором говорила Фрейдис, никто не знал.

И вот они нашли землю, которая могла быть островом. Фрейдис чувствовала, что нетерпение спутников ей уже не сдержать, и согласилась подойти к берегу.

Кнорр вошел в реку удивительной красоты. Прежде чем ступить на сушу, они поднялись по течению, и всюду вода была совершенно прозрачной.

Такая красивая земля встретила их впервые. К реке подступали зеленые деревья, все в цвету или увешанные плодами, и ни одно не походило на остальные. Вкус у плодов был волшебный. Всюду пели сладкоголосые большие птицы и мелкие птахи. Листья на деревьях были огромные – в самый раз покрывать дома. А местность – совершенно ровная.

Фрейдис прыгнула на землю. Она приблизилась к хижинам, в которых, думалось ей, живут рыбаки, но их обитатели в страхе разбежались. В одной из хижин оказался пес, он не лаял.

Гренландцы вывели на сушу скот, и скрелинги, которые никогда не видели лошадей, вернулись. Они ходили без одежд, были низкорослые, но хорошо сложены; кожа у них была смуглой, волосы – темными. Фрейдис вышла вперед, полагая, что к беременной женщине они отнесутся по-доброму. Одному она предложила взобраться на лошадь и, держа ее за поводья, провезла скрелинга вокруг деревни. Все жители принялись ахать и ликовать. Они принесли пришельцам пищу и приютили их в хижинах. А еще угостили скрученными листьями – их поджигали, подносили ко рту и вдыхали дым.

Фрейдис и ее спутники обосновались рядом, так что деревня скрелингов стала и их поселением. Они построили хижины – такие же, как у местных: округлые, крытые соломой. А из деревянных бревен и брусьев соорудили храм, чтобы поклоняться Тору. Скрелинги показали им, как добывать воду из огромных орехов, которые росли на деревьях с большими листьями, – вода была очень вкусная. Рассказали они, как что называется: хрустящий ячмень на их языке именовался *маис*. Показали, как спать в сетях, подвешенных между двумя деревьями, – их называли *гамаками*. Круглый год здесь было так жарко, что о снеге никто и не слышал.

Здесь Фрейдис разрешилась от бремени. Ее муж Торвард принял Гудрид как собственную дочь, и это тронуло Фрейдис. Она стала к Торварду не такой суровой, как прежде.

Скрелинги сделались хорошими наездниками и научились выплавлять железо. Гренландцы узнали новых животных и начали стрелять из лука. Здесь водились черепахи и всевозможные змеи, а еще ящерицы с каменной чешуей и вытянутыми челюстями. В небе парили красноголовые грифы.

Два народа перемешались, и родились дети. Одни с черными волосами, другие – со светлыми или с рыжими. Они понимали язык обоих родителей.

Но вновь лихорадка поразила скрелингов, и стали они умирать. Гренландцев же она миновала, а потому стало ясно, что бояться им нечего и что это они привезли с собой болезнь. Поняли, что хворь в них самих. Северяне поставили усопшим могильные камни и высекли на них руны. Они стали молиться Тору и Одину. Но скрелинги продолжали болеть. Гренландцы

решили, что если продолжат здесь жить, хозяева этих мест погибнут, останутся они одни. И наполнила их жалость. Скрепя сердце решили они вновь отправиться в путь. Разобрали храм Тора, чтобы увезти с собой, зато оставили несколько голов скота – подарок на прощание.

После того как они отплыли, лихорадка не прекратилась. Скрелинги продолжали умирать и едва не вымерли все. Выжившие расселились со скотом по оставшейся части острова.

6. Чичен-Ица

Что до Фрейдис, то теперь она с дочерью Гудрид пошла на запад, следуя вдоль побережья; ее муж Торвард и другие спутники тоже были с ними. Они убедились, что оставленная ими земля действительно была островом, а затем, по своему обычаю, Фрейдис решила идти дальше на юг. Но в один прекрасный день спутники отказались плыть в никуда, и Фрейдис предложила сбросить в море брусья храма Тора – пусть укажут направление. Она объявила, что высадутся все там, где Тор прибьет брусья к берегу. Едва брусья отнесло от судна, как воды увлекли их в сторону суши, лежавшей точно на западе, и странникам показалось, что движутся они быстрее, чем можно было ожидать. Затем подул бриз, и, повернув к западу парус, они миновали мыс острова, который называли Островом женщин. Затем впереди обозначилась большая земля – они решили, что это материк, и зашли во фьорд [16]. И увидели, что он невероятно широк и глубок, по обеим его сторонам тянулись гигантские горы. Фрейдис назвала фьорд именем своей дочери. Затем они исследовали местность и обнаружили, что Тор выбросил брусья на сушу в северной части бухты – там, где над морем поднимался высокий мыс.

Рядом оказалась неглубокая река, в которую кнорр смог войти, потому что осадка у него была неглубокая. По реке они дошли до какой-то деревни. Время было позднее, солнце садилось, и Фрейдис направила своих спутников к песчаной отмели у противоположного берега. На следующий день к судну пришли скрелинги; они принесли кур с красными головами и немного маиса, но этого едва хватило бы на пару-тройку ртов, так что им велели забирать дары и прогнали прочь. Гренландцы решили, что на этот раз они здесь останутся, ведь место им указал сам Тор. Тогда скрелинги вернулись в боевом облачении, они были вооружены луками и стрелами, копьями и щитами. Гренландцы слишком устали, чтобы спастись бегством, и предпочли принять бой. Но скрелинги быстро превзошли их числом, ранили десятерых и всех взяли в плен.

Они расправились бы с чужаками на месте, не случись у них на глазах неожиданного происшествия. Один из гренландцев, сражавшийся на лошади, упал с нее, и это ужаснуло скрелингов, они стали кричать. До сих пор они думали, что всадник и лошадь – одно целое. Они о чем-то договорились между собой, выстроили гренландцев цепью, связали их и повели, прихватив скот и оружие.

Идти по лесам и болотам пришлось при изнуряющей жаре. Да еще влажность – северянам казалось, будто они тают, как снег в костре. А потом они попали в город, подобного которому раньше не видели. Там были каменные храмы, многоэтажные пирамиды, статуи воинов, поставленные подобно колоннаде, и массивные изваяния в виде змеиных голов, напомнившие им носы кнорров и драккаров [17], только у этих змеев были перья.

Их вывели на площадку I-образной формы, которая была выкопана в земле, там шла игра в мяч [18]. Состязались две группы, каждая на своей половине; они перекидывали друг другу большой круглый предмет – он был упругим, но в то же время твердым и высоко подпрыгивал. Они поняли, что требуется перебросить шар на сторону соперника, удерживая его в воздухе без помощи рук и ног – только бедрами, локтями, коленями, ягодицами и плечами. На стенах, ограничивавших площадку, ровно посередине, были закреплены два каменных кольца, но зачем они нужны, гренландцам не сразу удалось узнать. Зрители следили за игрой со ступеней, поднимавшихся над площадкой. В конце нескольких игроков приносили в жертву, лишая их головы.

Дюжину гренландцев, в том числе Фрейдис и ее мужа Торварда, столкнули в эту яму. На другой стороне перед ними стояла дюжина скрелингов в одних наколенниках и налокотниках. Партия началась, гренландцы, никогда раньше не игравшие в эту игру, провожали взглядом мяч: он падал на их половине, и его было не отбить, а если вдруг удавалось, то неправильно

– пленники нарушали правила, потому что не представляли, в чем они состоят. Они проигрывали, и чем дальше, тем жутче им становилось, ведь они понимали, что если проиграют, их принесут в жертву. Но вдруг мяч задел одно из каменных колец, и, хотя не попал в него, по рядам зрителей прошел гул. Тогда Фрейдис велела своим спутникам целиться в кольцо. Удачный бросок сделал Торвард, ее муж: он так ловко ударил по мячу коленом, что тот взмыл вверх, описал большую дугу и прошел сквозь кольцо под бешеный рев толпы. Игру сразу останавливали, гренландцев объявляли победителями. Капитан команды соперников был обезглавлен. Но гренландцы не знали, что в особых случаях казнят и лучшего игрока победителей, который должен считать это за великую честь. Так Торвард, муж Фрейдис, лишился головы на глазах у жены и приемной дочери Гудрид, которая плакала и прижималась к матери, ее обнимавшей. Тогда Фрейдис сказала спутникам: «Мы отданы на милость скрелингов, которые хуже самых злобных троллей, и, чтобы выжить, нужно их задобрить и делать все, что они потребуют». Затем она произнесла вису [19]:

*Торвард пал, я знаю.
Как сурова Норна [20]!
Он в дружину Одина
Слишком рано позван.*

Песнь ее поднималась в небеса и вдруг, к немалому изумлению скрелингов, упала вниз стрелой:

*Гнев мой тлеет – позже
Дам ему я волю.*

Тело Торварда торжественно сбросили в озеро на дне глубокой пропасти. Других гренландцев пощадили, но обращались с ними поначалу как с рабами. Одним достались самые тяжелые работы – они трудились на соляных копиях под открытым небом или выращивали хлопок, который когда-то видели у шведов – те привозили его из Миклагарда [21]. Другие прислуживали в домах или на ритуальных церемониях скрелингов, поклонявшихся многочисленным богам, среди которых главными были Кукулькан, пернатый змей, и Чак, божество дождя.

Однажды Фрейдис подошла к изваянию, изображавшему человека, который лежит, приподнявшись на локтях, согнув в коленях ноги и повернув голову, увенчанную короной. Ярл [22], в услужение которому ее отдали, пояснил ей, пользуясь жестами, что это Чак, божество дождя. Тогда Фрейдис принесла молот и положила его на живот статуи. Она сказала ярлу, что знает этого бога, только зовут его Тор. Несколько дней спустя над местностью разразилась гроза. Так в этом краю закончилась долгая засуха.

В другой раз дочь Фрейдис, Гудрид, забавлялась с игрушкой скрелингов – ее можно было катать на маленьких колесах. Это удивило Фрейдис: игрушка у скрелингов есть, но ни повозок, ни колесного плуга они не знают. Те же не понимали, зачем нужны такие большие приспособления, если их вручную не сдвинуть с места. Фрейдис велела своим спутникам соорудить повозку, привести кобылу и впрячь ее. Скрелинги были очень довольны таким открытием и еще больше обрадовались, когда узнали, что, если повозку, к которой прилажен железный лемех, потащит лошадь или бык, пахать станет гораздо легче, а хлопок вырастет больше. Так Фрейдис внесла свою лепту в процветание города, который обменивал хлопок на маис и драгоценные камни с соседями.

В знак признательности Фрейдис и ее спутникам было даровано право пить шоколад – пенный напиток, который здесь высоко ценили, хотя Фрейдис он показался горьким.

Так гренландцы перестали быть рабами, их стали считать за гостей. Разрешили наблюдать за играми в мяч и участвовать в церемониях вокруг священных колодцев. Скрелинги научили их читать по звездам и познакомили с основами письма, знаки которого напоминали руны, но гораздо более сложные.

Некоторое время гренландцы думали, что дочь Локи [23] про них наконец забыла. Но Хель не была забывчивой. И вот первые скрелинги заболели. Их обильно поили шоколадом, но они все равно умерли. Фрейдис понимала, что скоро все догадаются, кто принес болезнь. Она поспешила устроить побег. Безлунной ночью они выбрались из города, забрав скот, и направились к берегу, где ждал их корабль. Запряженная кобыла была жеребая и только всех сдерживала, но бросать ее они не хотели. Утром со стороны города донеслись крики, и они поняли, что скрелинги бросятся в погоню. Пришлось по мере сил ускорить шаг. Кнорр ждал их там, где его оставили.

Однако скрелинги из соседней деревни заметили их возвращение и решили помешать чужакам, так что гренландцы поднимались на судно в спешке. Жеребая кобыла отстала, и, когда все уже погрузились, недоставало только ее – она тяжело брела вдоль берега. Но вот с воинственными криками выскочили скрелинги и погнались следом. Гренландцы подбадривали и звали ее, ведь, притом что она еле держалась на ногах, до трапа оставалось всего несколько шагов. Кнорр ждал до последнего, но пришлось отплыть, чтобы преследователи на него не забрались. Гренландцы видели, как скрелинги схватили кобылу за шею: видно, подсмотрели, как они сами это делали.

Не проронив ни слова, они направились на юг.

7. Панама

Сколько прошел кнорр – кто знает? Когда бушующее море не давало поставить паруса без риска перевернуться, гренландцы гребли не разгибая спин. Ночи сменялись днями. Лишь рев скота и плач младенцев напоминали, что на борту есть жизнь.

К берегу они пристали под проливным дождем. Грязные, взлохмаченные, истощенные. Открывшаяся им земля казалась враждебной, хоть это и был зеленый край. Здесь водилась уйма всевозможных птиц, они кружили в небе. Из луков удалось отстрелить хорошую добычу. Но большинство гренландцев боялись осваивать край, который наверняка населяют другие скрелинги, еще более злобные, чем те, которые встретились им прежде. Они считали, что нужно пополнить запасы, простоять лагерем сколько понадобится, чтобы восстановить силы, и на этот раз повернуть на север, к дому. Фрейдис была в ярости и возражала, но один из спутников сказал ей так: «Нам известно, почему ты не хочешь возвращаться в Гренландию. Боишься, что твой брат Лейв накажет тебя за преступления, которые ты совершила в Винланде. Могу обещать, что никто из нас ни словом об этом не обмолвится, но, если Лейв все же узнает о твоих делах, придется тебе подчиниться воле брата или решению тинга».

Фрейдис промолчала. А утром ее спутники обнаружили, что кнорр наполовину затоплен и накренился. Все пали духом. Никто не решился открыто обвинить ее в том, что она потопила судно, но все только об этом и думали. Она же обратилась к ним и сказала: «Как видите, путь по морю теперь отрезан. В Гренландию никто не вернется. Мой отец назвал так открытый им край, чтобы заманить туда таких же, как мы, исландцев и укрепить поселение. На самом деле земля та не зеленая, а белая большую часть года. Названные зелеными места вовсе не так приветливы, как эти. Взгляните на птиц в небе. На плодоносные деревья. Здесь незачем укрываться шкурами, греться у огня и прятаться от ветра в ледяных домах. Мы будем осваивать этот край, пока не найдем место лучше, чтобы основать поселение. Настоящая Гренландия – здесь. Здесь мы завершим дело Эйрика Рыжего».

Тогда одни принялись восхвалять Фрейдис, но другие удрученно молчали, со страхом думая о том, что еще уготовила им эта земля.

8. Ламбаеке

Были на их пути болота, леса, густые, как моток шерсти, и заснеженные горы. Вновь их ждал холод, но никто больше не роптал на приказы Фрейдис, словно потеря кнорра вместе с надеждой на возвращение отняла у них волю.

Всюду встречались скрелинги, они приходили обменивать украшения из золота и меди на железные гвозди и чаши свежего молока. На западе им открылось море. Они собрали плоты. И чем дальше спускались вдоль побережья, тем тоньше были выделаны украшения, которые им предлагали. Один скрелинг подарил Гудрид серьги в виде фигурок жреца, держащего отсеченную голову, это понравилось ее матери. Фрейдис решила, что в землях резчиков по золоту и серебру стоит поселиться. К тому же, сколько хватало глаз, всюду скрелинги возделывали поля. Равнины были перечерчены каналами. Край, как она выяснила, назвался Ламбаеке [24].

Скрелинги приняли железо и скот как дары свыше. Гости казались им посланцами Найлампа [25], их божества. Фрейдис стали почитать за великую жрицу, облачили ее в золото и наделили огромной властью. Ей приносили в жертву пленных, для этого использовались ножи с изображением Найлампа на резных рукоятях и лезвием в форме полумесяца. Здесь жили бонды [26], умело работавшие с металлами. Вскоре после появления гренландцев они уже ковали железные молоты – как малые, так и большие. Фрейдис околдовала их своими рыжими волосами.

И все же она знала: чему быть, того не миновать, и предсказала, что к ним придет болезнь, так что, когда они и впрямь заболели, а затем начали умирать, веры ей только прибавилось. Она призвала их приносить в жертву больше пленных и собирать больше урожая. Владевшие скотом и умевшие обращаться с железом гренландцы были у скрелингов в почете. Более того, когда скрелинги поняли, что пришельцев болезнь не берет, они стали убеждать друг друга, что перед ними божественные существа.

Потом вышло так, что один из скрелингов, настигнутый лихорадкой, выжил и поправился. За ним – второй, и понемногу болезнь, принесенная чужеземцами, отступила. Тогда гренландцы поняли, что их странствие окончено.

9. Смерть Фрейдис

Два года прошли без зимы. Гренландцы научились рыть каналы и выращивать незнакомые им овощи – красные, желтые, фиолетовые, одни сочные, другие мучнистые. Фрейдис сделалась царицей. Она вышла замуж за ярла из соседнего города под названием Кахамарка, и, чтобы скрепить союз, был устроен грандиозный пир. Рекой лилась ака [27] – маисовое пиво, подавали жаренную на углях рыбу, мясо альпаки – животного, похожего на стройную овцу, и приготовленных на вертеле куи [28] – эти напоминали кроликов, покрытых пухом, с маленькими ушами, а мясо у них было нежным и сочным.

У Фрейдис было много детей, и умерла она, осыпанная почестями. Похоронили ее вместе со слугами, украшениями и посудой. Ее лоб охватывала золотая тиара. Колье из восемнадцати нитей красного жемчуга покрывало грудь. В одной руке она сжимала железный молот, в другой – нож-полумесяц.

Гудрид выросла и, хотя волосы ее не были рыжими, как у матери, сумела добиться почета у народа Ламбаеке. Поэтому, когда жестокие бури смели все в округе и скрелинги горевали из-за потерянного урожая и затопленных полей, она убедила их, что это послание Тора. Она нисколько не сомневалась, что нужно двигаться дальше, и, как достойная дочь своей матери, повела к югу множество скрелингов и гренландцев, которые теперь стали единым народом. Говорят, они нашли большое озеро, но в этой саге о таком не сказано, ведь никто точно не знает, что было дальше.

Часть вторая

Дневник Христофора Колумба (фрагменты)

Пятница, 3 августа

Мы отшвартовались в пятницу 3 августа 1492 года в восемь часов утра и покинули остров Сальтес [1]. Пошли на юг и до захода солнца при хорошем ветре проделали шестьдесят миль, или пятнадцать лье, затем – на юго-запад, дальше – на юг и четверть к юго-западу, по направлению к Канарским островам.

Понедельник, 17 сентября

Уповаю на то, что Всевышний, в чьих руках все наши свершения, вскоре пошлет нам землю.

Среда, 19 сентября

Погода ясная, и если Господу будет угодно, всё то, что сейчас миновали, увидим на обратном пути.

Вторник, 2 октября

Море по-прежнему спокойное и милостивое. Нескончаема хвала за это Господу.

Понедельник, 8 октября

Слава Богу, воздух вокруг легкий, как в апреле в Севилье, и такой благоуханный, что пребывать здесь одно удовольствие.

Среда, 9 октября

Всю ночь мы слышали, как летят птицы.

Четверг, 11 октября

В два часа пополуночи на расстоянии двух лье показалась земля.

Пятница, 12 октября

Мы достигли небольшого острова, который на языке индейцев называется Гуакахани [2]. К нам вышли нагие люди, и я сошел на берег, со мной были Мартин Алонсо Пинсон, капитан «Пинты», и Висенте Яньес, его брат, капитан «Ниньи» [3].

Оказавшись на твердой земле, я вступил во владение означенным островом от имени ваших высочеств.

Тотчас вокруг собралась толпа островитян. Чтобы они были к нам дружелюбны и зная теперь, что подчинить этот народ и обратить в нашу святую веру много проще любовью, нежели силой, я подарил им несколько красных колпаков, стеклянные четки, которые они повесили на шеи, и множество других безделиц; все это их необычайно обрадовало: просто поразительно, как они нам доверились.

Видится мне, что эти люди вообще ничем не владеют. Ходят они в чем мать родила, и женщины тоже.

Если Господу нашему будет угодно, когда отправлюсь назад, увезу с собой шестерых для ваших высочеств, пусть научатся говорить. На этом острове не встретил я никаких животных, одних только попугаев.

Суббота, 13 октября

Едва рассвело, их мужчины во множестве высыпали на берег, все молодые и все прекрасно сложены. Это очень красивый народ. Волос у них не выющийся, а ровный и плотный, как конская грива.

Они подошли к нефу [4] на лодках, выдолбленных из цельного ствола дерева и таких больших, что в некоторых умещалось по сорок человек.

Они готовы отдать всё за сущие пустяки, которые им предлагаются. С неизменным вниманием пытался я уяснить, нет ли у них золота. С помощью языка жестов мне удалось узнать, что на юге есть царь, у которого золота немерено.

Посему я решил идти на юго-запад за золотом и драгоценными камнями.

Пятница, 19 октября

Чего мне хочется, так это увидеть и открыть как можно больше, чтобы в апреле с Божьей помощью возвратиться к вашим высочествам.

Воскресенье, 21 октября

Стаи попугаев затмевают небо.

Хочу отправиться на другой остров, очень большой: вероятно, это Сипанго [5], если верить тому, что сообщают индейцы, которых я взял с собой; они называют этот остров Колба.

Вторник, 23 октября

Сегодня собираюсь отправиться к острову Куба: думаю, это и есть Сипанго, судя по тому, что сообщают эти люди о его размерах и богатстве. Не хочу надолго задерживаться: вижу, что золотых копей здесь нет.

Среда, 24 октября

Сегодня в полночь я снялся с якоря и иду к острову Куба, который, судя по тому, что я слышал от индейцев, весьма велик, там бойко идет торговля, много золота, пряностей, туда заходят большие корабли, приплывают купцы. Полагаю, если все именно так, как описывают индейцы, – их языка я не понимаю, – это и есть остров Сипанго, о котором рассказывают столько удивительного: на встречавшихся мне глобусах и картах мира он расположен где-то в этих местах.

Воскресенье, 28 октября

Трава высока, как в Андалусии в апреле. Скажу, что прекраснее острова еще никто на свете не видел, здесь много гор, красивых и очень высоких, хотя длинных цепей они не образуют. Берег высокий, как на Сицилии.

Индейцы говорят, что на острове есть золотые копи и жемчуг. Я и в самом деле видел место, где могут зарождаться жемчужины, и раковины – верная примета. Насколько я смог понять, туда приходят тяжелые торговые корабли Великого Хана, а материк в десяти днях пути.

Понедельник, 29 октября

Чтобы наладить общение, я направил две шлюпки к встретившейся деревне. Все ее обитатели – мужчины, женщины, дети – разбежались, побросав дома и все, что было внутри. Я приказал ничего не трогать. С виду дома – как солдатские палатки, но размерами – с королевский шатер; стоят они не вдоль улиц, а как придется; внутри прибрано, утварь аккуратно разложена. Дома построены из красивых пальмовых ветвей – все, кроме одного: он заметно вытянут, и у него земляная крыша, на которой растет трава. Внутри мы обнаружили множество

статуэток в виде женских фигур и такое же множество искусно сделанных масок, под которыми можно полностью скрыть голову. Не знаю, служат ли они для украшения или им поклоняются. В домах встретились собаки – они не лают – и прирученные дикие птицы.

Должно быть, есть скот: я видел черепа, напоминающие коровьи.

Воскресенье, 4 ноября

Люди здесь крайне миролюбивы и боязливы; они нагие, как я уже говорил, и у них нет ни оружия, ни законов. Земли исключительно плодородны.

Понедельник, 5 ноября

На заре я приказал вытащить неф на сушу, а за ним и остальные корабли, но не все разом, чтобы два из них всегда стояли на якоре на случай опасности, невзирая на то, что люди здесь внушают доверие и на сухую стоянку можно было бы определить все суда.

Понедельник, 12 ноября

Вчера шестеро молодых мужчин на лодке подошли к нефу; пятеро поднялись на борт. Я приказал не выпускать их обратно и везу с собой. Затем я отправил людей в один из домов на западном берегу реки. Они доставили женщин, числом шесть, отроковиц и зрелых, и троих детей. Сделал я так, потому что с женщинами из родных мест мужчины в Испании будут более покладистыми, чем без оных.

Нынче ночью к моему судну на лодке подплыл человек, он оказался мужем одной из женщин и отцом троих ее детей, мальчика и двух девочек. Он попросил разрешения отправиться с ними. Меня это только обрадовало. Теперь они все утешились, из чего я сделал вывод, что они между собой в родстве. Мужчине лет сорок или сорок пять.

Пятница, 16 ноября

Индейцы, которых я везу, выловили огромные раковины. Тогда я велел своим людям спуститься в воду и проверить, нет ли там перламутровых устриц, таких, в которых рождается жемчуг; устрицы нашлись, их много, но все без жемчужин.

Суббота, 17 ноября

Из шести юношей, которых я забрал в устье реки и приказал отправить на каравеллу «Нинья», двое, кто постарше, сбежали.

Воскресенье, 18 ноября

Я еще раз решил выйти на шлюпках, взяв с собой больше людей, чтобы на видном месте, где нет деревьев, поставить крест, который велел соорудить из двух бревен. Крест получился высоким, зрелище было красивое.

Вторник, 20 ноября

Не хочу, чтобы сбежали индейцы, которых я забрал с Гуанакани: эти люди мне нужны, надо доставить их в Кастилию. Сами они уверены, что как только найдется золото, я отпущу их назад в родные земли.

Среда, 21 ноября

В этот день Алонсо Пинсон ушел на каравелле «Пинта», не имея на то приказа и против моей воли, из корысти, полагая, что индеец, которого я переправил на его каравеллу, принесет ему много золота. Отправился в спешке, невзирая на ненастье, просто потому, что ему так вздумалось.

И это отнюдь не все, что он мне сделал и наговорил.

Пятница, 23 ноября

Весь день я шел по направлению к земле, строго на юг, при малом ветре. Держась этого курса, мы миновали другую землю: индейцы рассказывают, будто там встречаются люди с одним глазом на лбу, а еще те, кого они называют каннибалами и страшно боятся.

Воскресенье, 25 ноября

Перед восходом я спустился в шлюпку и отправился осмотреть мыс, поскольку мне показалось, что там должна быть какая-нибудь большая река. И в самом деле у оконечности мыса, пройдя расстояние в два арбалетных выстрела, я увидел полноводный ручей с очень прозрачной водой, которая с необычайным грохотом устремлялась вниз с высокой горы. Я пошел к этому ручью и увидел там камни: они сверкали и все были усыпаны золотистыми крапинами. Я сразу вспомнил, что в устье Тежу, ближе к морю, нашли золото: видится мне, что и здесь оно определенно должно быть. Я велел собрать таких камней, чтобы доставить их вашим высочествам. Обратив взгляд на горы, я увидел столь мощные, столь дивные сосны, что и не скажешь точно, какой они высоты, они похожи на огромные веретена. Думается мне, из них можно строить корабли, делать доски и мачты для самых больших испанских нефов. Здесь растут дубы и арбутус [6], есть подходящая река и место, где можно поставить лесопильню.

На берегу я видел много камней цвета железа, а еще такие, которые, как говорят, берутся из серебряных рудников, – их принесла река.

Кто не видел этого своими глазами, не поверит в то, что довелось увидеть мне, однако могу заверить моих сиятельных государей, что я и на сотую долю не приукрашиваю.

Я следовал дальше вдоль берега, чтобы основательно все осмотреть. Вся эта земля сплошь горы, очень высокие и очень красивые, не безводные, не скалистые, хорошо доступные, с роскошными долинами. Эти долины, как и горы, до того густо поросли высокими деревьями и полны влаги, что глаз радуется.

Вторник, 27 ноября

С южной стороны я увидел весьма примечательную гавань, которую индейцы называют Баракоа, а на юго-востоке необыкновенно красивые места – волнистые цветущие равнины среди гор. Там видны столбы дыма, крупные поселения и прекрасно возделанные земли. Посему я решил зайти в эту гавань, рассчитывая поладить с туземцами и приобщить их к нашим обрядам. Поставив неф на якорь, я спрыгнул в шлюпку и отправился исследовать окрестности, обнаружив в результате устье реки, вполне широкое для галеры. Как чудесно было, проходя по этому устью, любоваться деревьями и этой свежестью, невероятно прозрачной водой, птицами и прочими красотами – я даже поймал себя на мысли, что не хочу покидать этот край.

Да повелят ваши высочества построить здесь города и крепости, и тогда население обратится в нашу веру.

Должен сказать, что и здесь, и во всех других местах, которые мною уже открыты или, надеюсь, будут открыты на обратном пути в Кастилию, весь христианский мир найдет большую выгоду, и в особенности Испания, которой все должно быть покорно.

Среда, 28 ноября

Я решил остаться в гавани, поскольку идет дождь и небо плотно затянуто. Матросы сошли на землю, и некоторые направились выше по реке стирать белье. Они обнаружили большие поселения, однако дома там пусты: все жители разбежались. Вернулись они по другой

реке, но на перекличке недосчитались одного юнга. Никто не знает, что с ним случилось. Быть может, его утащил крокодил или ящерица из тех, что населяют остров.

Четверг, 29 ноября

Идет дождь, небо по-прежнему затянуто, поэтому я остался в гавани.

Пятница, 30 ноября

Нам не удалось выйти, потому что навстречу дует левант [7].

Суббота, 1 декабря

Дождь сильный, ветер продолжает дуть с востока.

Среди голых скал при входе в гавань я установил крест.

Воскресенье, 2 декабря

Ветер по-прежнему встречный, и мы не можем отправиться дальше. В устье реки юнга нашел камни, в которых, похоже, есть золото.

Понедельник, 3 декабря

Погода все еще нам не благоволит, и я решил осмотреть весьма живописный мыс, отправившись туда на шлюпках с несколькими вооруженными людьми. Я пошел по реке и обнаружил небольшую бухту с пятью вместительными лодками, которые индейцы называют каноэ. Мы сошли на берег и отправились по пролегающей среди деревьев тропе, которая привела нас к хозяйственной постройке, довольно толково устроенной. Внутри было еще одно каноэ, как и другие, сделанное из цельного ствола дерева, длиной, как фуста [8] на семнадцать скамей. Была там кузница, где из торфа добывается железо, а возле печи стояли корзины с наконечниками для стрел и крючками для рыбной ловли.

Мы вскарабкались на плоскую вершину горы, где располагалась деревня. Жители, едва заметив меня и моих спутников, бросились бежать. Увидев, что у них нет ни золота, ни других ценностей, я решил повернуть назад.

К нашему удивлению и досаде, когда мы спустились на берег, где оставили шлюпки, их там не оказалось, как и каноэ. Это крайне озадачило меня, ведь к подобной дерзости аборигенов мы не привыкли. Наоборот, обычно они такие робкие и пугливые, что почти всегда убегают при нашем появлении, а когда все-таки решаются подойти, охотно отдают все, что имеют ценного, взамен на какие-нибудь безделушки. Как мне показалось, они не знают, что такое собственность, и не способны на воровство, ведь, когда просишь у них что-нибудь стоящее, они никогда не отказывают.

Между тем появились индейцы. Все они были разрисованы красной краской и наги, как если бы матери только что произвели их на свет, некоторые – с плюмажем или отдельными перьями на голове и все – с дротиками в руках. Они держались на значительном расстоянии, но время от времени с громкими криками воздевали руки к небу. Я спросил, пользуясь жестами, не молитва ли это. Они ответили – нет. Я сказал, что нужно вернуть шлюпки. Индейцы сделали вид, что не понимают. Я спросил, где их каноэ, рассчитывая забрать их, спуститься по реке и добраться до нефа.

И тут случилось нечто странное. Внезапно, как гром среди ясного неба, раздалось конское ржание. Индейцы бросились прочь.

Я поручил четверым своим людям добраться до наших по суше и предупредить о неожиданных затруднениях. Сам же вместе с оставшимися решил пойти в ту сторону, откуда донеслось ржание.

Мы вышли на поляну – мне показалось, что это кладбище, поскольку она была утыкана камнями, они торчали всюду, и на них были выпцарапаны надписи: литеры неизвестного алфавита состояли из линий, наподобие небольших палочек, одни были прямыми, другие наклонными.

Вечерело, и я приказал своим подручным устроить лагерь: слишком опасно было бы искать дорогу пешими в темноте, тем более что прибыли мы на шлюпках и не взяли с собой лошадей. Я также счел, что осмотнительнее провести ночь под открытым небом, не разводя костер. Так что мы с моими людьми устроились на ночлег среди могил, зато нас не мучил холод, ибо земля прогрелась как никогда.

Всю ночь по округе разносилось ржание.

Вторник, 4 декабря

На рассвете я велел поставить среди камней крест, дерево для него выбрали податливое, похожее на вяз. Мои люди хотели подкопать стелы и проверить, нет ли там золота, но я рассудил, что мудрее будет поспешить обратно на неф.

Я следовал со своими спутниками вдоль реки, но тропа пролежала по крутому склону, и приходилось спускаться по пояс в воду, огибая невероятно густую растительность. Над нами летали красноголовые грифы. Позади снова и снова раздавалось ржание, отчего мои люди нервничали: это напоминало им, что в таких обстоятельствах сами мы лишены возможности перемещаться верхом. Я попытался их отвлечь, указав на гальку, блестящую в воде, и сказал, что здесь определенно есть золото, которое разносит река, причем, надо сказать, я в этом почти убежден. А потому дал себе слово, что еще вернусь и смогу доказать это вашим высочествам.

Но пока мы, преодолевая препятствия, шли вперед, одного из наших вдруг сразила стрела. Это вызвало смятение в отряде, и мне пришлось воспользоваться данной мне властью, чтобы всех успокоить. Уведомляю вас об этом, потому что нет ничего хуже трюсов, неспособных встретить опасность лицом к лицу; но знайте также, что если индейцы выследят одного или двоих, исход будет предрешен: ходить в одиночку – верная смерть. У стрелы был железный наконечник. Теперь мы были настороже, я приказал всем скрыть головы шлемами и лично убедился, что ремни нагрудников у всех надежно затянуты.

Среда, 5 декабря

Никоим образом я не хотел рисковать, поэтому мы осторожно шли через *мангры* – так называют эти леса аборигены, по названию кустарника, растущего в воде. (Во всяком случае, это сказал мне индеец, которого я забрал с острова Гуанакани и которого учили кастильскому, чтобы он был нашим толмачом, ведь здесь, кажется, говорят на одном языке.) Продвигаемся мы с трудом – мешает тина, зато больше происшествий не было. Мы видели, как река пронесла тело человека, одетого, как христианин, но выловить его не удалось, и он продолжил плыть по течению.

Завтра милостью Господа, который неустанно оберегает нас, мы доберемся до гавани, где нас ждут неф, «Нинья» и остальной экипаж.

Ржание тем временем не прекращается.

Четверг, 6 декабря

Мы отправились в путь до восхода солнца: мои люди нервничали и пребывали в нетерпении. Когда мы вышли к гавани, все вокруг было спокойно, слабый береговой ветер дул в сторону залива, красноголовые грифы парили в небе, ржание прекратилось.

Неф еще стоял на якоре, но почему-то не было «Ниньи».

По волнам двигалось каноэ, им правил всего один индеец, и казалось чудом, что он держится на воде, потому что ветер теперь дул довольно сильно. Мы стали звать его, но он не под-

плавал, а мы без шлюпок подойти к нему никак не могли. Я велел двум матросам добраться до неффа вплавь. Но не успели они преодолеть и трети расстояния от берега, как на воду спустили шлюпки, которые направились в нашу сторону, – это были те самые шлюпки, которые у нас забрали. Мы увидели на борту индейцев, они показались мне куда более шустрými и сметливыми по сравнению с теми, каких я встречал до сих пор. Знаками они предложили доставить нас на корабль. Я сел в одну из шлюпок вместе со своей командой. У этих индейцев топоры с железными лезвиями.

На судне меня встретил индеец, которого остальные называли *касик* [9]: надо понимать, он правит здешними землями, учитывая, с каким почтением к нему относятся, хоть и ходят они все совершенно нагиими. Странное дело, я не обнаружил и следа своего экипажа. Касик пригласил меня в ют отобедать. Когда я сел за стол, где привык есть, он жестом велел своим ждать снаружи, что и было выполнено со всей поспешностью и безупречным послушанием. Все уселись на палубе, за исключением двух мужчин в зрелых годах, которых я принял за советников, – они сели у его ног. Мне подали приготовленные ими блюда, как будто я их гость на моем собственном корабле.

Ситуация не переставала меня удивлять, но я не подавал виду, дабы представить моих сиятельных государей в самом достойном свете. В угоду хозяину стола я попробовал каждое блюдо и выпил немного вина, которое они взяли из моих запасов. Я попытался выяснить, куда делся весь мой экипаж и почему «Нинья» вернулась в открытое море. Касик говорил мало, но его советники заверили, что завтра меня проводят к каравелле. Так во всяком случае я решил; плохо, что мы пока не можем понимать их язык. Я также спросил, знает ли он места, где есть золото: думается мне, что здесь они добывают мало этого металла, однако мне известно, что по соседству расположены земли, где золото рождается и где его много. Касик заговорил о великом правителе по имени Каонабо [10] на острове где-то поблизости; мне кажется, это и есть Сипанго.

Я заметил, что ему понравилось покрывало на моей постели, и отдал его вместе с красивыми янтарными четками, которые носил на шее, парой красных башмаков и флаконом с флердоранжевой водой. Поразительно, как он был доволен. И он, и его советники огорчались, что едва меня понимают и что я не понимаю их. Но я все равно догадался, что они говорят: завтра я смогу увидеть своих людей, как и свой корабль.

Наверное, эти высочества – могущественные властители, – рассуждал он со своими советниками, – раз смело прислали меня сюда из такого далека. Они говорили между собой о чем-то еще – понять их я не смог, но заметил, что они все время улыбаются.

Когда час был уже поздний, он удалился со своими людьми и унес подарки, которые я ему вручил, оставив меня спать в моей постели.

Пятница, 7 декабря

Наш Всевышний, светоч и сила каждого, кто выбрал праведный путь, решил испытать самого преданного своего слугу, как и слугу ваших высочеств.

На рассвете индеец вернулся со свитой из семидесяти человек. С помощью всевозможных жестов и пантомимы он предложил препроводить нас к «Нинье». Пальцем он указывал на восток, так что я развернул паруса и со своим поубавившимся экипажем пошел в том направлении вдоль побережья в окружении каноэ. Находившиеся на борту индейцы наблюдали за нами, не произнося ни слова, но я догадывался, что они восхищены нашим умением управлять кораблем невиданных размеров, хотя численности нашей едва хватало, чтобы неф мог маневрировать. А ведь им было неизвестно, что это судно за день способно пройти больше, чем они за неделю. Тогда я еще был далек от мысли об их коварстве.

Касик привел нас к деревне у моря, в шестнадцати милях, где я нашел подходящее место и бросил якорь возле пологого берега. Там была «Нинья»: ее вытащили на сушу, и это вновь

озадачило меня и моих людей. А когда мы пожелали высадиться на берег, чтобы осмотреть каравеллу, касик и все, кто был с ним, категорически отказались покидать неф. Мне не хотелось тратить время на бесполезные пререкания, и я предпочел оставить на борту троих людей, которые должны были проследить, чтобы индейцы ничего не стащили и не повредили.

Едва мы высадились на берег, как вокруг нас собралось человек пятьсот, нагих, с разряженными телами, вооруженных топорами и копьями. Вели они себя не так, как остальные – те, кого подталкивало любопытство и кто был готов обменивать ценности на безделушки. Эти, напротив, окружили нас, выстроившись в строгом порядке, словно полк ландскнехтов. Мы стояли спиной к морю, путь к нефу отрезали каноэ, а сам корабль находился в руках касика и его свиты, оставленных нами на борту.

Появились и другие индейцы, верхом на неоседланных приземистых лошадях; вооружены они были копьями и окружали царя на коне, покрытом золоченой попоной: наездник держался так горделиво, что в его статусе не оставалось сомнений.

Царь этот, увенчанный ореолом славы, каким только опыт прожитых лет дополняет властный нрав, зовется Бехекио [11]; он утверждает, что состоит в родстве с великим правителем Каонабо, о котором нам все рассказывают. (Полагаю, что это и есть Великий Хан.)

Не желая выказать ни смятения, ни слабости, хотя в эту минуту положение наше казалось мне не из лучших, я выступил вперед и, обратившись к царю, в самых торжественных выражениях сообщил ему, что прислан монархами могущественнейшей державы, по другую сторону океана, которым следует подчиниться, и тогда он сможет пользоваться их защитой и благоволением. Но, видимо, индеец, бывший при мне толмачом, рассказал ему, что христиане прибыли с небес и ищут золото, ибо такие речи он вел при каждой нашей встрече с аборигенами и никак не мог в этом разувериться, что, впрочем, до сих пор служило нам скорее добрую службу.

Затем я спросил, где мои люди. Тогда по знаку царя привели моих матросов (и видно было, что некоторых недостает), а с ними – экипаж «Ниньи», и надо сказать, состояние этих людей оставляло желать лучшего. Я был крайне возмущен столь скверным обращением с христианами и пригрозил Бехекио самыми страшными карами, заверив, что мои повелители не потерпят подобного оскорбления. Не знаю, что из этого понял царь, но отвечал он, повысив голос. Если верить толмачу, он винил христиан в том, что многих индейцев забрали против их воли, разлучили с семьями и надругались над их женщинами.

Я заверил его, что индейцев увезли ради их же спасения и что мы, насколько могли, старались не разлучать семьи, а если христиане успели надругаться над женщинами из этих мест, то совершенно это было без моего позволения и их следует наказать. Мне неизвестно, как были изложены мои слова и как истолковал их Бехекио, но, услышав это, он велел схватить всех плененных им христиан – экипаж «Ниньи» и моряков с нефа, которые не сопровождали меня. Их связали у нас на глазах. А затем посреди деревенской площади, перед всеми собравшимися привязали к заранее поставленным столбам и отрезали им уши.

Я бессильно наблюдал за этой жестокой расправой, ведь индейцев было слишком много и они были слишком хорошо вооружены: что бы мы ни предприняли, это обрекло бы нас на верное растерзание.

Наконец Бехекио знаком велел мне и тем, с кем я пришел, удалиться. Я громко ответил, что мы ни за что не оставим христиан в столь ужасном положении, в руках язычников, не ведающих о спасении души и Святой Троице. Он позволил нам отвязать несчастных братьев, но, когда мы собрались вновь овладеть нашими судами, их стражи преградили нам путь к морю и каравелле на берегу. Бехекио знаками показал, что для возвращения на небеса, с коих мы сошли, в кораблях нет нужды.

Нам оставалось только углубиться в лес, вместе с ранеными и без лошадей.

Нас тридцать девять.

Воскресенье, 16 декабря

Господь наш, кладезь мудрости и милосердия, ниспослал нам испытание, но решил нас не покидать.

Долго блуждая по лесу, мы нашли другие деревни, брошенные индейцами, ибо они трусливы и идут против нас только из великого страха. На наше счастье, они оставили немало припасов, а в их круглых хижинах можно выхаживать раненых.

Висенте Яньесу, капитану «Ниньи», увечья на месте ушей причиняют большие страдания, как и всем покалеченным. Раны чернеют, есть умершие.

Пленным удалось узнать, что Бехекио родом из тех же мест, что и Каонабо, которого местные призвали, чтобы нас прогнать. Не знаю, за что они нас так ненавидят, ибо мы не совершили по отношению к ним ничего дурного, и я всегда следил, чтобы с ними хорошо обращались.

Индейцы, находившиеся в украденных у нас шлюпках, завладели нефом, застав команду врасплох: людей перебили или взяли в плен. Четверо моряков, которых я отправил предупредить экипаж, не добрались до места. Те, кто пережил нападение, подтвердили мне, что одолевшие их индейцы прекрасно вооружены.

Увидев вокруг целый рой каноэ и опасаясь абордажа, капитан «Ниньи» стал уходить и нашел убежище в гавани (куда затем привел нас касик), но там его захватили аборигены. Кто мог ожидать такого коварства от людей, которые ходят нагими?

На этот раз я приказал выстроить башню и укрепления понадежнее, а еще вырыть широкий ров. Висенте Яньес и все остальные сокрушаются и говорят, что живыми нам Испанию не видать. Но я уверен в обратном: если бы нам удалось восстановить силы и завладеть оружием, с оставшимися людьми и подкреплением Мартина Алонсо Пинсона, когда тот соизволит вспомнить, что обязан мне повиноваться, и явится после своей выходки, я покорил бы весь этот остров, который, полагаю, превосходит Португалию территорией и вдвое – населением, только оно здесь нагое и бесконечно трусливое, если не считать войско этого Бехекио. Так что я подумываю взять Бехекио хитростью, чтобы вернуть корабли, оружие и припасы.

А пока разумно выстроить башню, и пусть она будет сооружена по всем правилам фортификации, ведь сейчас у нас только шпаги да несколько аркебуз и немного пороха.

Вторник, 25 декабря, день Рождества Христова

Случилась беда.

Неф оставался на якоре в гавани возле деревни, где подверглись истязаниям наши товарищи по несчастью. И вот нынче утром один из моих людей, которого я отправил охотиться, чтобы обеспечить форт пропитанием, предстал передо мной в крайнем возбуждении и сообщил, что видел издалека, как неф движется. Известие произвело необычайное впечатление на моих людей, которые жили надеждой снова заполучить этот корабль, как и другой, оставшийся на суше, и возвратиться в Кастилию.

Когда произошла моя встреча с касиком Бехекио, я оставил на борту троих матросов, и, если их не убили, быть может, им удалось высвободиться и завладеть судном. Или же это индейцы решили поупражняться в навигации.

Чтобы все точно выяснить, мы поднялись на довольно высокий уступ в скалах, откуда хорошо был виден порт.

Неф и в самом деле начал движение и, похоже, собрался выйти из гавани, но опасно приближался к скалистой отмели. Кто бы ни стоял на мостике, было видно, что со штурвалом он не справляется.

Неф неумолимо подходил к отмели. Потрясенные этим прискорбным зрелищем, мы громко кричали от ужаса. Когда судно в конце концов наткнулось на отмель и нам почудилось, будто мы слышим треск обшивки, дружный стон вырвался у нас из груди.

Увы, неф сел на мель, и даже если вдруг Мартин Пинсон вернется на «Пинье», нам не хватит двух каравелл, чтобы всем добраться домой.

Великое испытание уготовил мне наш Господь в день Рождества, все равно для нас священный. Я не должен сомневаться в Его замыслах и твердо верю: нет равных мне в истовости служения Вседержителю нашему, и потому Он меня не оставит.

Среда, 26 декабря

Обезумев от горя и ярости из-за потери нефа, мои люди поспешили на место крушения, прежде чем я успел что-либо сказать или сделать, дабы остудить их гнев. Не найдя никого среди обломков, они проникли в отсек с запасами и забрали оттуда столько пороха и вина, сколько могли унести, а затем, еще более потрясенные плачевным зрелищем разрушенного корабля, направились к берегу, где находилась каравелла, в полной решимости пустить в ход клинки. Но воинов Бехекио там не было, и тогда, охваченные исступлением, с криками «Сантьяго! Сантьяго!» [12], они перебили всех до последнего жителей деревни – мужчин, женщин, детей, после чего разграбили ее и сожгли. Деяние они совершили предосудительное, но в их защиту скажу, что одним своим видом место это оживило в них воспоминания о перенесенных муках.

Когда их гнев утих, они выгрузили из запасов «Ниньи» все, что смогли, но не стали спускать ее на воду, ведь для этого понадобилось бы много времени и труда, а они опасались возвращения Бехекио. Доставленное ими оружие и особенно бочки с вином радостно встретили все выжившие. Правда, у нас так и нет лошадей.

Пришел вечер, и мы устроили пир, чтобы отпраздновать победу, ибо что это, если не она? Еще вчера, после потери нефа, положение казалось отчаянным, но теперь оно несколько улучшилось, и хвала за это нашему Господу.

Понедельник, 31 декабря

Шестеро моих матросов, которые вышли за пределы форта пополнить запасы воды и древесины, попали в ловушку и погибли. Индеец подъехал верхом прямо к входу в крепость, где оставил корзину с головами этих несчастных христиан.

Я приказал как следует укрепить все сооружения, поскольку не сомневаюсь, что Бехекио к нам еще вернется.

Вторник, 1 января 1493 года

Всадники напали на троих людей, посланных за ревенем, который я собирался привезти вашим высочествам. Одному чудом удалось от них уйти и укрыться в горах – там, где лошади не могли его нагнать.

Моя команда нервничает, страшась появления Бехекио, и считает, что оно неизбежно; в этом, впрочем, уверен и я.

Среда, 2 января

Покидать форт больше никто не рискует, все боятся, что попадут в засаду или их съедят: матросы вбили себе в голову, что индейцы питаются человеческой плотью. Они действительно бывают крайне жестоки и, одержав победу над врагом, отрубают ноги женщинам и даже детям.

Я много бодрствую и днем, и ночью и порой совсем не могу уснуть, так что последний месяц я спал не более пяти часов в день, причем последнюю неделю весь мой сон – три колбы с песком, по полчаса каждая, отчего я наполовину ослеп, а временами и вовсе ничего не вижу.

Как удачно, что у нас есть семена и живность, прекрасно приспособленные к условиям этой земли. Все овощи идут в буйный рост, а некоторые семена, если их посеять, могут дать сразу два урожая, и это я могу гарантировать для любых плодов, культурных или диких: настолько высокое здесь небо и сочная почва. Скот и птица размножаются просто на диво, и также удивительно наблюдать, как вырастают куры: каждые два месяца у них появляются цыплята, а дней через десять-двенадцать их уже можно есть. Что до потомства, рожденного тринадцатую свиноматками, которых я сюда привез, то его столько, что все они одичали и бродят в зарослях, скрещиваясь со своими лесными собратьями, но нам этим не воспользоваться из-за индейцев, рыщущих снаружи.

Наш последний толмач бежал.

Четверг, 3 января

Началась осада. Нынче утром появился Бехекио со своим войском, верхом на коне с золоченой попоной.

Сразу видно: действует этот индеец, как самый настоящий воин, у него несметные войска, собранные и упорядоченные с таким же знанием дела, как если бы это было в Кастилии или во Франции.

Пятница, 4 января

Чтобы выдержать осаду, воды и пищи нам хватит, но мои люди знают, что крепость недостаточно прочна и нападения не выдержит.

Да сжалится над нами милостивый Господь.

Суббота, 5 января

С башни можно следить за передвижениями войск Бехекио. Когда видишь, как его кавалерия и полки пехоты выстраиваются в боевом порядке, сомнений не остается: штурм неминуем.

Но Господь, никогда нас не оставлявший, ниспослал нам чудо в лице Мартина Алонсо Пинсона: отсюда, с нашей башни, моя команда заметила точку на горизонте – это была «Пинта».

Явленное чудо необычайно укрепило наши силы и дух. Завтра, едва забрезжит рассвет, мы попытаемся выйти и с Божьей помощью доберемся до берега, где найдем Мартина Пинсона и «Пинту» или падем в бою.

Мне остается только препоручить наши души предвечному Богу, Господу нашему, который дарует удачу тем, кто не сходит с Его пути вопреки кажущимся препятствиям.

Воскресенье, 6 января

Поутру мы выступили плотным строем с аркебузами и арбалетами наготове, раненые замыкали колонну, а из артиллерии был только фальконет, который мои люди принесли с нефа. Мужчин, способных принять бой, среди нас оставалось не больше тридцати, но мы были полны решимости сражаться до последнего вздоха.

Снаружи нас ждали больше тысячи индейцев: впереди стояли всадники, за ними и по флангам – пехота; у всех – стрелы, которые они выпускают из пращи быстрее, чем из лука. Все были вымазаны чем-то черным и размалеваны цветной краской, еще у них были свирели, а на головах – маски и медные или золотые зеркала, и, по своему обычаю, аборигены издавали ритмичные устрашающие крики. Восседавший на золоченом коне Бехекио расположил свой лагерь на высоком холме в двух арбалетных выстрелах от нас и оттуда руководил войсками.

Часть наших бойцов должна была выждать появления лошадей на открытой местности и за ноги стащить всадников вниз, ведь у них не было ни седел, ни стремян, только дело все равно оказалось чрезвычайно опасным: задуманное они проделали, но все были убиты.

Тем временем наши аркебузы смели часть кавалерии, а фальконет помог пробить брешь в их рядах. Мы теряли людей, которых пронзали стрелы и топтали кони, но и сами оставили немало убитых язычников; стрелять огнем на этом острове нам уже приходилось, но все равно грохот от фальконета и аркебуз посеял смятение в лагере противника, мы получили спасительную передышку и смогли спуститься по тропе, которая вела к побережью (ведь форт мы построили на возвышении).

До берега, где стояла «Пинта», мы добежали ни живые ни мертвые: мчались так, что дыхание перехватывало, а улюлюканье врагов подгоняло нас, словно языки адского пламени, и вот мы уже по колено в воде, и остается преодолеть вплавь всего несколько футов, отделяющих нас от спасения, – так, во всяком случае, нам в этот миг казалось, – как вдруг на палубе рядом с Мартином Алонсо Пинсоном, который застыл, как статуя, и был бледнее призрака, возникла фигура в короне из попугайчих перьев, украшенной золотыми бляхами; лицо незнакомца скрывала резная деревянная маска с отверстиями для глаз, ноздрей и рта в золотой окантовке, а рост и горделивая осанка не оставляли ни сомнений, ни последней надежды: это Каонабо, царь Сипанго.

Я уже писал, что Бехекио впечатляет одним своим видом: знатная кровь сразу узнается в его благородной стати, исполненной превосходства, но не спеси, однако это ничто по сравнению с новым правителем, которого старый царь приветствовал с исключительной почтительностью, преклонив колено и поцеловав землю.

Каонабо явился в сопровождении супруги, царицы Анакаоны [13], сестры Бехекио, которая в красоте и совершенстве манер не имеет равных среди индианок, притом что достоинств у них не счесть.

Нас же, несчастных христиан, обезоружили и взяли в плен, а раненых добили.

Из уважения к нашим званиям – адмирала и капитана соответственно – нас с Мартином Алонсо разлучили с командой и позвали в царский шатер. Висенте Яньес, капитан «Ниньи» и брат Мартина Алонсо, тоже был бы с нами, если бы выжил в бою.

Каонабо, как и Бехекио, винит нас в том, что мы взяли в плен индейцев из его народа и надругались над женщинами, что для него серьезное преступление. Я адмирал и команду экспедицией, а потому, хоть я всегда приказывал как можно мягче обращаться с местным населением, мне и отвечать за грехи Мартина Алонсо и других мятежников. Пусть я не сделал им ничего плохого и ни с кем не был жесток.

Что бы ни уготовил Творец всего сущего своему смиренному слуге, я не потерплю больше оскорблений от этих злобных грешников, дерзко навязавших свою волю тому, кто оказал им столько чести.

После того как Мартин Алонсо в поисках золота высадился со своей командой на островной земле по соседству с островом Хуаны (такое название дал я Кубе) – выходит, это и есть тот самый Сипанго, – они силой захватили четырех взрослых индейцев и двух отроковиц, но тут же на них напало войско Каонабо, да такое, что в два счета разгромило христиан – большинство убили на месте. Так Господь наказывает за гордыню и безрассудство. Однако эта участь миновала Мартина Алонсо и шестерых его людей из экипажа в двадцать пять человек.

Из семидесяти христиан, покинувших Палос-де-ла-Фронтеру [14], осталось не более дюжины душ и Мартин Алонсо.

Среда, 9 января

Три дня подряд индейцы пляшут под звуки свирелей и тамбуринов и поют. Кажется, празднество никогда не кончится, и мы, христиане, пребываем в глубокой скорби, ведь ясно,

что празднуют они наше поражение. Одно зрелище больно разбередило наши души. Чтобы развлечь царственных супругов, Бехекио вздумал разыграть перед ними сражение, в котором мы, защитники крепости, были побеждены. Для этой инсценировки старый касик снял с нас одежды и надел на индейцев, которые должны были нас изображать, так что теперь мы наги, как сами аборигены. Нам пришлось обучать их стрельбе из аркебузы, и, хотя грохот все еще немного их пугает, они вовсю ликуют под громовые раскаты, порожденные нашим оружием. Всадники окружили индейцев в одеждах христиан и, пока те делали испуганные гримасы и стреляли в воздух, непрерывно чертили вокруг них витиеватые арабески. Затем индейцы, игравшие христиан, рассредоточились и предались беспорядочному бегству, а всадники стали преследовать их и делать вид, что рубят.

Единственное наше утешение – царица Анакаона, которая поет и декламирует стихи: почти весь их смысл остается вне нашего понимания, но нет христианина, который не был бы очарован ее красотой и голосом. Как я уже сказал, супруга Каонабо и сестра Бехекио, видимо, пользуется огромным уважением среди индейцев, и не только в силу царственного родства и красоты – всеобщее признание и восхищение приносит ей поэтический дар.

Ее властительный супруг присутствует на всех увеселениях и явно получает от них удовольствие, особенно когда выступает Анакаона.

В надежде на его благоволение мы стали умолять, чтобы он вернул нам одежду или предал нас смерти, но и в том и в другом нам было отказано.

Четверг, 10 января

Царь Каонабо желает больше узнать о стране, из которой прибыли христиане, и поэтому захотел побеседовать со мной в обществе царицы Анакаоны и касика Бехекио. Понимать меня ему помогает толмач, которого он отобрал у Мартина Алонсо. Принял он меня в подпоясанной ремнем сорочке, в пелерине с капюшоном и головном уборе без полей: все это принадлежит мне, но сам я по-прежнему наг.

Так мне довелось рассказать им о ваших святейших высочествах, которые правят величайшим королевством на свете, а еще об истинной религии и истинном боге, Господе нашем небесном. Очень мне хотелось поведать им о тайнах Святой Троицы, и я увидел, что царица и ее брат слушают меня с большим интересом.

Я поклялся им, что нет большей чести на земле, чем служить таким государям, как ваши высочества, что крещение могло бы спасти их от адских мук по завершении земного пути и что только истинная вера дарует им вечную жизнь.

Я предложил им отправиться с нами в Кастилию и пасть к ногам ваших высочеств, гарантируя, что они будут приняты со всеми почестями, подобающими их положению. Каонабо больше заинтересовали наши фортификации, корабли и оружие, но я увидел, что мои слова тронули его прекрасную супругу.

Пятница, 11 января

Каонабо увел свое войско, оставив супругу и ее брата присматривать за нами и за этими местами, и это хорошая весть, ведь, думается мне, убедить этих двоих вернуть нам свободу и принять нашу веру будет проще.

Мартин Алонсо иного мнения и хочет подбить команду на побег: «Пинта» еще стоит на якоре в бухте.

Суббота, 12 января

Сегодня я долго рассказывал царице о Господе нашем Иисусе Христе, и она разрешила установить крест на площади в деревне, где мы находимся. Ее брат предложил мне вместе

попробовать *коибу*, или *табак*, – так они называют сухие листья, которые поджигают в полых тростях, чтобы затем вдохнуть дым.

Мартин Алонсо болен.

Воскресенье, 13 января

Царица – женщина, я описал ей украшения и платья, которые носят при дворе в Кастилии, и заметил вожадеющий блеск в ее глазах, как у ребенка.

Мы достойно питаемся, спим в гамаках, но Мартин Алонсо жалуется на боли по всему телу. Он говорит, что не хочет здесь умирать, и думает только о том, как вернуть свой корабль.

Понедельник, 14 января

У Мартина Алонсо жар, какая-то жгучая лихорадка – это заставляет опасаться за его жизнь. Судя по тому, что я наблюдаю, заразу он, скорее всего, подцепил, ведя торговлю с индейцами. Он в отчаянии при мысли, что больше не ступит на христианскую землю.

На языке Анакаоны ее имя означает «золотой цветок», поэтому я предложил ей стать доньей Маргаритой.

Вторник, 15 января

Дьявол овладел телом и рассудком капитана.

За обедом у Бехекио, куда мы оба ежедневно приглашены (до сих пор он ни разу не дал нам повода пожаловаться, разве что обязал ходить нагишом, как и он сам), Мартин Алонсо, распаленный лихорадкой, схватил нож и убил старого касика ударом в шею. Затем, угрожая оружием царице, он заставил ее освободить наших спутников, велел, чтобы каждому дали лошадь, и бежал с теми, кто мог держаться в седле. Несчастный безумец надеется, что попадет на корабль. Но я-то понимаю, что своим поступком он всех нас обрек на гибель.

Среда, 16 января

Индейцы оплакивают смерть своего правителя. Потерявшая брата царица в трауре и далека от мысли о крещении, теперь все ее речи только о мщении. Крест, который она поставила, свалили и сожгли.

Я же даю обет вступить в орден братьев-францисканцев, если каким-то чудом мне суждено однажды вновь увидеть Кастилию, хотя при этой череде бед кажется очевидным, что Всевышний приберег для меня иной замысел. И все же я смиренно молю ваши высочества: если Господу будет угодно вызволить меня отсюда, позвольте мне отправиться в Рим и в другие паломничества. Да хранит Святая Троица ваши души и умножает ваше могущество.

Понедельник, 4 марта

Теперь с уверенностью можно сказать, что все кончено.

Каонабо вернулся с головами Мартина Алонсо и христиан, совершивших тот безумный побег. Так гибнут грешники.

По приказу царя «Пинту» вытащили на сушу. Бухту, где еще вчера она стояла на якоре, я окрестил заливом Заблудшего пилигрима – с оглядкой на свое нынешнее положение и желая увековечить эту скорбную участь.

Возвращение в Испанию теперь для меня невыносимо, и вашим высочествам остается только забыть несчастного безумца, обещавшего вам Индии [15].

Без даты

Оттого, что я пристально вглядываюсь в морскую даль в бессмысленной надежде увидеть на горизонте парус, глаза мои начинают чувствовать ужасную боль, а взгляд мутнеет. И все же

я прекрасно знаю, что после этой неудачи, полагая, что я канул в пучину, ваши высочества не станут впредь отправлять кого бы то ни было в Океаническое море [16].

Без даты

Еще одна печаль разрывает мне сердце. Это мысль о доне Диго, моем сыне, которого я оставил в Испании, о сироте, лишенном отцовского положения и состояния, хоть у меня и нет сомнений, что справедливые и признательные государи возместили бы ему всё с лихвой, если бы мне удалось вернуться из странствия хотя бы с сотой долей сокровищ этой изобильной земли.

Без даты

Протяженность острова Хуаны, или Кубы, сравнима с расстоянием от Вальядолида до Рима, и сегодня он почти весь под властью Каонабо. Да будет благословенна его супруга за то, что ко мне здесь терпимы и дают пищу наравне с остальными их подданными, которые, как я выяснил, называют друг друга таино, но царь их к этому племени не принадлежит – он происходит от карибов [17], что, разумеется, объясняет присущий ему дух превосходства, склонность повелевать и беспощадность в бою.

Без даты

Немногие остававшиеся при мне люди серьезно больны и все до одного подавлены. Последний испустил дух нынче утром, и вот я один среди этих дикарей. Какой смертный, не будь он Иовом, не умер бы от отчаяния вместе с ними? Не знаю, зачем Господь продлевает таким образом мое жалкое существование.

Я гол и похож на бездомного пса, почти слеп, и никто меня больше не замечает. Разве что у дочери Анакаоны есть интерес, какой дети иногда проявляют к старикам, которые рассказывают им разные истории. Каждый день она приходит ко мне послушать про великую Кастилию и ее озаренных славой монархов.

Без даты

Удивительно, как быстро маленькая Игуэнамота [18] усваивает кастильский, который прекрасно понимает, и уже умеет повторять разные выражения, чем невероятно забавляет мать.

В глазах царицы я всего-навсего шут, который только и может что развлекать ее дочь.

Без даты

Коль скоро у ваших высочеств не будет нужного случая, раз уж Повелитель всего сущего распорядился иначе, я молю Отца Небесного спасти все эти записи, чтобы однажды стало известно о моей трагической судьбе и о том, как я прибыл сюда издалека, служа своим правителям и оставив жену с детьми, которых в результате больше не увидел, и как теперь, в конце жизни, я лишен положения и состояния – без вины, суда и милосердия. Говоря «милосердие», я не имею в виду их высочеств, не они виновны в произошедшем и не Господь, а злые люди, которыми я имел несчастье себя окружить, они привели меня к гибели вслед за собой в этой забытой богом земле.

Без даты

Близится час, когда моя душа будет призвана к Богу, и если по ту сторону Океанического моря меня уже, верно, забыли, я знаю, что хотя бы одно существо еще заботится о поверженном адмирале: маленькая Игуэнамота, которая однажды станет царицей, мое последнее здесь

утешение, будет рядом и закроет мне глаза. Господу угодно, чтобы ради своего спасения и в память обо мне она приняла нашу веру.

Без даты

Несчастен я, иначе и не скажешь. До нынешнего дня я оплакивал других: теперь же пусть, сжалившись, примут меня небеса, пусть плачет по мне земля. Без благ преходящих беден я, точно Лазарь. А что до духовных – какими путями попал я сюда, в Индии, известно. Я здесь один на один со своей бедой, хвор и каждый день жду смерти в окружении полчища дикарей, бесконечно жестоких и враждебных; не дано прикоснуться мне к святым дарам нашей церкви, и душа моя будет ею забыта, раз обречена покинуть здесь мое тело. Да оплатит меня проникнутый любовью к ближнему, истине и справедливости. Я пустился в странствие не в поисках славы и богатства; сие есть правда, ибо надежды таковые уже были для меня мертвы. К вашим высочествам явился я с чистыми намерениями и великим рвением и не лгу ни единым словом.

Часть третья

Хроники Атауальпы

1. Падение кондора

Нам, обратившим долгий взгляд назад после того, как история мира вынесла свой вердикт, ясность предзнаменований кажется неумолимой. Но истина в настоящем – пусть она ярче и звучнее, а потому в ней больше жизни – зачастую более туманна, чем в прошлом, а порой и в будущем.

Праздник Солнца был в разгаре, и Уайна Капак, одиннадцатый Сапа инка Империи Четырех Четвертей [1], мог быть доволен. От диких просторов Араукании до высокогорий Кито, где он устроил свою любимую резиденцию (вместо столицы – притом что сердце империи находилось и должно было оставаться в Куско), он растянул свои владения так, что дальше и некуда (как он сам полагал); сдерживали его лишь сплетенные канаты лесов да хлопок небесный. Еще трепетали внутренности во вспоротых брюхах лам, а их вырванные легкие наполнялись воздухом, когда жрецы дули в трахеи. Жарились на вертелах туши жертвенных животных, близилось время пира, все готовились к церемониальным возлияниям, как вдруг в небе показался кондор, за которым гналась стая хищных птиц помельче – луни, гарпии, соколы, непрерывно его терзавшие. Они клевали его, не давали лететь, и обессиленный кондор, свернувшись кольцом, упал прямо посреди площади, где проходила церемония, чем привел собравшихся в бурное изумление. Уайна Капак поднялся с трона и велел рассмотреть птицу. Сразу стало ясно, что кондор болен и агония его не только из-за полученных ран: его поразила парша, облезлое туловище покрывали гнойники.

Инка и его приближенные решили, что это событие – добрый знак: прорицатели, созданные по случаю, увидели в нем предвестие завоевания большой империи где-то в дальних краях. Поэтому, как только закончился праздник Солнца, длившийся, как положено, девять дней, Уайна Капак поднял войско и повел его на север в поисках новых земель, которые можно завоевать.

Он оставил позади Томебамбу [2], затем Кито и попутно подчинил Империи Четырех Четвертей, Тауантинсуйу, несколько новых племен.

Но однажды, как рассказывают, шел он по дороге со своей свитой, и повстречался ему одинокий путник, рыжеволосый, которому он высочайше повелел отойти в сторону и пропустить его. Говорят, тон его не понравился путнику, он не послушался, не ведая, кто перед ним. Завязалась перебранка, рыжеволосый ударил императора по голове посохом, и тот упал как подкошенный, со смертельной раной. Его старший сын Нинан Куйочи [3] попытался прийти ему на помощь и встретил такую же смерть. А рыжеволосый странник был якобы сыном Верховного инки, прижитым некогда от жрицы из храма в Пачакамаке [4], но никто о нем больше ничего не слышал.

Империя же досталась другому из сыновей, по имени Уаскар [5]. Однако, перед тем как испустить дух, Уайна Капак изрек такую волю: Уаскар наследует его трон в Куско, но северные провинции пусть передаст своему сводному брату Атауальпе [6], сыну от принцессы Кито, которого он всегда щедро одаривал любовью.

Много жатв подряд Уаскар и Атауальпа так и делили между собой Тауантинсуйу. Но Уаскар нравом отличался подозрительным, завистливым, вспыльчивым. К тому же часть знати Куско замыслила против него заговор, когда он вздумал запретить культ мумий [7], который считал слишком обременительным для казны. Под мнимым предлогом – мол, Атауальпа про-

явил неуважение: отказался прибыть к нему и засвидетельствовать свое почтение – Уаскар объявил брату войну. А чтобы унижить его, отправил в подарок женские одежды и краску для лица. Но Атауальпа был любим отцовскими полководцами, он поднял армию и пошел на Куско.

Армия Уаскара превосходила числом, зато Атауальпе служили доблестные полководцы, и командовали они хорошо подготовленными воинами. Кискис, Чалкучима и Руминьяви [8] вышли победителями в кровавых битвах, которые привели их к воротам Куско. Всадники делали войну более стремительной и беспощадной. В попытке помешать этому безудержному наступлению Уаскар вынужден был лично возглавить оборону. И ему удалось остановить брата у берегов реки Апуримак, где произошла великая резня. Войско Атауальпы укрылось тогда в провинции Котабамбас, многие воины попали в окружение, оказались в ловушке в прерии и сгорели заживо. Выжившие отступили и пошли на север.

Началась долгая погоня.

2. Отступление

Уаскар раздумывал. Впрочем, недолго. Поначалу, когда ратная удача была к нему менее благосклонна, он собирался встретить брата на равнине Кипайпан и там сойтись в решающей схватке. Он тоже нес большие потери, и его люди устали, хоть и радовались теперь победам. Уаскар хотел выждать время, чтобы к ним вернулся боевой дух. Да и близость Куско, безусловно, придавала ему уверенности. Столица империи, пуп земли [9], осеняла благоволящей тенью войско законного наследника. Однако Куско был также золотой мечтой воинов Атауальпы: молва расцветала пышным цветом, рисуя им возделенную цель, и Уаскар побоялся, что столь опасное искушение на расстоянии всего-то в несколько стрел заставит их, упавших духом, поднять головы. Он не хотел оставлять армии противника возможность собраться с силами. У него тоже была умелая кавалерия, которой командовал еще один из пяти его сводных братьев, Тупак Уальпа [10]. И вот Уаскар собрал войска и бросил их по следу отступавших с твердым намерением уничтожить мятежников. Он даже решился вывести стражей из цитадели Саксайуаман [11] – ничто не могло его остановить: чтобы укрепить армию полком лучших воинов, он готов был отвлечь их от исполнения священной миссии.

Атауальпе не понадобилось созывать своих полководцев – Руминьяви Каменный Глаз, Кискиса Брадобрея и Чалкучиму: он и без них знал, что еще один удар сейчас не выдержать. Две армии, точно хромые пумы, одна за другой двинулись в путь.

Пришлось преодолевать веревочные мосты, протянутые над реками, переправлять ржущих от страха лошадей, быков, лам, клетки с куи и попугаями, воинский провиант; бесчисленную свиту Верховного инки (только какого из двух?), рабов, наложниц, золотую и серебряную посуду, альпак – чтобы обеспечить их каждодневной одеждой, а еще раненых, которых несли на носилках, как и их повелителя.

Империя двинулась медленным маршем. Куда ни посмотри, всюду вдаль уходили горы, покрытые длинными складками маисовых и пататовых [12] полей, но уставшие воины едва способны были поднять головы, так что эти террасы, гордость империи, тонули в безразличии. Попугаи в клетках скрипуче твердили мрачные пророчества, а путешествовавшие рядом с ними мелкие грызуны тихо попискивали. Только собаки-целители [13], украшенные белым гребнем, оживляли тянущуюся процессию своим лаем, бегая вдоль вереницы бойцов, как будто сторожили стадо.

Склады, вежами расставленные вдоль имперских дорог [14], обеспечивали снабжение войск бастарда, и назначенные управлять этим хозяйством чиновники, проводив одну армию, с удивлением видели на подходе вторую, которую, глазом не моргнув, также снабжали всем необходимым, едва узнавали знамена суверена Куско, а между тем облако пыли еще не успевало улечься за арьергардом Атауальпы.

Уаскар принялся слать сводному брату депеши. Бегуны часки [15] были такими резвыми, а система почтовых постов настолько разветвленной, что Верховный инка всего за несколько дней получал известия буквально обо всем, что творилось в самых удаленных уголках империи. Воины не обращали внимания на этих шуплых бегунов, быстрых, как ягуары: даже Пачамама [16] не вызвала бы землетрясение в тот срок, когда один из них уже шептал что-то на ухо Атауальпе и тот таким же шепотом отвечал, после чего юноша немедленно отправлялся обратно, а заведя на доступном голосу расстоянии своего собрата, готового броситься дальше, начинал передавать послание – так повторялось несколько раз, и Уаскар получал ответ. Два императора могли беседовать почти вживую, в то время как армия Куско шла по пятам китонцев.

– Брат, сдавайся.

– Нет, брат, никогда.

– Именем твоего отца, Уайны Капака, брось дурить.

– Именем твоего отца, Уайны Капака, не мсти.

Армии шли так близко друг к другу, что земледельцы, возделывавшие маис на горных террасах, провожая их взглядом с высоты, могли принять эту вереницу чуть ли не за одно войско.

3. Путь на север

Тем временем армия северян, собравшись с силами, достигла Кахамарки, где Атауальпа мог рассчитывать на гарнизон, оставленный в занятом не так давно городе. Со смешанным чувством изнуренные люди смотрели на зеленую долину и столбы пара, поднимавшиеся над термальными источниками, которыми славилась эти места. Атауальпа, как и его предки, любил купаться там в мирные времена вместе с отцом. Он рассчитывал, что отдохновительные процедуры укрепят дух и тела воинов перед опасным переходом через горную цепь, отделявшую их от Кито, его столицы и дома. Но только если бы удалось оторваться от преследователей. А он по-прежнему чувствовал в затылок дыхание Куско. Армия брата встала лагерем возле города – на склоне холма плотно теснились их белые шатры, как будто полотно покрывало местность. Клубы пара, исходящие из-под земли, придавали картине еще большую нереальность.

Атауальпа сошел с паланкина и прикоснулся подошвами сандалий к центральной площади Кахамарки. Люди вокруг поили лошадей, снимали поклажу с лам и готовились к ночлегу. Тревога вдруг комом подкатила к горлу. Он решил продолжить путь раньше, чем начнет светать.

Утром разведчики Уаскара обнаружили, что Кахамарка пуста. Армия северян – люди и животные – уже начала восхождение, которому не видно было конца. Дорога сузилась, пропасть казалась бездонной, воздух сделался ледяным. Вверху парили кондоры. Безучастные Анды преграждали путь, но воинам северян эта тропа была хорошо знакома, пользовались они ею часто и теперь наконец могли хоть немного оторваться. Они миновали золотые копи, ущелья, расселины и пихтовые леса. Миновали крепости, балансировавшие на скалистых отрогах, куда их водрузил строительный гений инков. Вершина хребта позади, Кито притягивал, как магнит. «Вернуться бы к себе, – думали они, – там безопасно».

Нет бы вспомнить, сколько раз они расправлялись с народностями северных земель – чиму, карангами, но в первую очередь с каньяри [17], для которых Атауальпа был жестоким тираном, повелевшим их уничтожить. Не он ли стер с лица земли огромный город Томебамбу, основанный его отцом, но вставший на сторону Уаскара? Для выживших возвращение палачей явилось даром Солнца. Бог подарил им месть. Начались изматывавшие беглецов вылазки. Потери ослабевших китонцев свели на нет подкрепление из Кахамарки. К тому же, тратя силы на отражение нападений каньяри, они замедлились, и армия Куско в итоге их нагнала. Арьергард, которым командовал Кискис, почти полностью разметала кавалерия Тупака Уальпы, брата Уаскара (а значит, и Атауальпы, только родился он в Куско).

Когда наконец армия Атауальпы добралась до долины Кито, было уже поздно. Потери оказались слишком велики, о восстановлении раньше чем через несколько лун не стоило и мечтать, а времени не осталось. Тогда Атауальпа приказал своему лучшему полководцу, Руминьяви Каменный Глаз, сжечь столицу и взобрался на самый высокий холм, «сердце горы», как называли его китонцы, откуда потом мог смотреть на пожар. Взяв город, Уаскар попадет на пепелище.

Ни одной слезы не пролил Атауальпа. Он продолжил путь на север, за пределы империи. Остатки его армии углублялись в густые леса, где было полно ядовитых тварей. Он надеялся, что Уаскар дальше не пойдет. Но недооценил то ли упорство брата, то ли его ненависть. Кавалерия Тупака Уальпы наступала им на пятки. Вскоре прославленная армия Чинчайсуйу [18], Северной империи, превратилась в облезлого пса, снедаемого блохами.

Однако поверженный император все глубже уходил во влажные джунгли. После изнуряющей жары им пришлось ощутить на себе ледяные иглы андских вершин. Ни один воин из тех, кто остался в строю, не посмел возроптать, но осведомители докладывали, что они начи-

нают проклинать день, когда появились на свет, и желают, чтобы смерть свела за них счета с жизнью. Выбирая одного за другим, смерть внимала их мольбам.

Тем не менее Кискису удалось выжить после нападений Тупака. Теперь он ехал верхом рядом с императорским паланкином, обеспечивая личную охрану правителя. Полководцы не покинули Атауальпу. Они пошли бы за ним на край света.

Как-то утром они уже было подумали, что их преследователи остановились. Но вскоре во влажном воздухе разнеслись гулкие отзвуки боевой песни:

*Череп предателя чашей нам станет,
Зубы нанижем – и вот ожерелье,
Кости – свирели, а кожа пойдет
На барабан.
И пляску начнем.*

Если и слышал это Атауальпа, то виду не подал. Царственное достоинство он не терял ни при каких обстоятельствах.

Отступление стало напоминать странный сон. Им то и дело попадались убогие деревни, где жили ходившие нагишом люди, пугливые или, наоборот, любопытные. Некоторые поили и кормили пришельцев. Другие встречали враждебно, но все их оружие составляли несколько луков да копий с железными наконечниками, так что расправиться с ними удавалось в два счета. У них отбирали лошадей. Забивали скот. Брали всё подряд. И так восполняли отсутствие складов. Но хуже всего было то, что не стало дорог. Десятки раз люди и скот заходили в болота, изобиловавшие насекомыми. Одного раба, а затем одного быка утащили крокодилы.

Теперь двор Кито, обреченный на неминуемое растерзание, если бы остался на месте, вела армия, добавлявшая пестроты и без того потрепанному длинному кортежу.

Наконец они добрались до Северного перешейка, омываемого с востока мифическим морем, о существовании которого упоминали лишь несколько древних легенд, несколько чудом вернувшихся экспедиций да сбившиеся с пути выходцы из нескольких далеких племен. Оказалось, что это все же не миф, и некоторые, хоть и были безутешны, возгордились, почувствовав себя первооткрывателями. Другие, вспомнив древние предания о Рыжей царице, дочери Грома, посланнице Солнца, почтительно воздели руки к небесам. Атауальпа же суеверию предаваться не стал. Он преодолел перешеек и, собрав последние силы, еще дальше отодвинул границу известного мира, но затем остановился: на этот раз путь ему преградили не плохо вооруженные племена, а могучие воины, и доносившиеся с той стороны звуки не оставляли сомнений в воинственности их нрава, как и в непомерной любви к человеческим жертвоприношениям. Бесконечному отступлению все-таки настал конец: сам инка, его люди, жены, золото, скот и двор зашли в тупик, оказавшись теперь на длинном песчаном побережье, и это когда они оставили позади Анды, болота, перешеек на краю света и так далеко поднялись на север, что никто из их предков о таком даже не мечтал – ни Уайна Капак, его отец, ни великий реформатор Пачакути [19], так что оставалось ждать появления Уаскара и рокового исхода, который в итоге им удалось лишь отдалить.

Но пока властитель в печали размышлял об обстоятельствах, в которых ему скоро придется перейти в подземный мир, полководец Руминьяви явился просить об аудиенции. Происходящее к церемониям не располагало, да и сам Атауальпа сошел с паланкина и стоял, обратив лицо к морю; ароматы его не отличались обычной душистостью, волосы засалились, и он почти полдня не менял хитон, словом, напрочь забыл о формальностях, подобающих его сану, и тревожился, верно, что впоследствии тело его не будет бальзамировано, – тем не менее славный полководец предстал перед ним босым, преклонив голову и демонстрируя все положенные знаки смирения. Как-никак чело Атауальпы по-прежнему обхватывал императорский венец, с

которого бахромой свисали красные кисти, а сверху красовался плюмаж из соколиных перьев, и для старого воина его отца этого было достаточно.

– Сапа инка, видишь ли ты те лодки на открытой воде?

Не поднимая головы, он указал пальцем на мелкие точки в море, после чего хлопнул в ладоши, и два раба тотчас привели на веревке обнаженного человека, которого Руминьяви заставил встать на колени, обхватил пленника ногами и положил руки ему на плечи.

– Этот попался нынче утром, он говорит, что в нескольких днях пути по морю есть большие острова. Их жители приплывают сюда ловить рыбу и торговать, добираются они в выдолбленных древесных стволах, которые называют *каное*. Судя по запасам плодов, которые мы у него забрали, земли там изобильные, только нас и ждут.

Атауальпа был высок, но его полководец – еще выше, на целую голову, даже когда склонился перед ним. Положение всегда обязывает: своим видом император не показал, как относится к предложению – с пренебрежением или с интересом.

– У нас нет лодок, – просто произнес он.

– Но есть лес, – ответил полководец.

Стали готовиться к отплытию. Доблестный Кискис вновь возглавил войско – теперь для охраны берега. Руминьяви привлек всех, у кого еще были свободны руки, чтобы рубить деревья, которые доставляли прямо на песок, Чалкучима отвечал за подготовку судов. Людей размещали в вырубленных наспех каное, скот и сундуки с золотом грузили на плоты из древесных стволов, связанных между собой веревками из шерсти лам, паруса вырезали из шатровых полотнищ. Знать, которая за всю жизнь ни разу даже воды себе не налила и не умела ни одеваться, ни умываться самостоятельно, кое-как помогала обтесывать, собирать и грузить небольшие суда. А воины Кискиса тем временем героически отражали атаки отрядов Куско, и лязг оружия, крики, цокот копыт на лесной опушке сливались с шумом волн.

Отплыли. Кискис последним покинул сушу под градом стрел и проклятий, оставив позади берег, усеянный трупами, где носились последние лошади, которых не смогли взять на плоты. Несколько черепах, гнездившихся там же, в песке, за все время битвы ни разу не шевельнулись.

4. Куба

Море было спокойным, флотилия не распалась, обошлось почти без потерь.

Они высадились на белый песчаный берег, вдоль которого тянулись томные пальмы. В воздухе разносились крики попугаев. По песку бегали розовые свиньи, и это показалось им добрым знаком. Край был прекрасным, климат приветливым. Усталость как рукой сняло. В нетронутые снегом горы взобралась с песнями. Спокойные реки легко преодолевались вброд, а рыбы ловилось столько, что в руках не унести. Из глубин богатых дичью лесов порой выходили влекомые любопытством местные жители. Они были обнажены и прекрасны, а главное – как будто не таили враждебных намерений. От одного торговца из Попааяна, утверждавшего, будто он понимает здешний язык, Атауальпа узнал о старой царице, которая правит архипелагом из трех больших островов – Кубы, Гаити и Ямайки – и бесконечной россыпи малых, как, например, Тортуга, остров-черепаха. Они направились на север, сами не зная почему: то ли им просто нравилось осваивать красоты этой земли, то ли по привычке, ведь в Империи Четырех Четвертей их место всегда было на севере. Вечером они жарили свиней и лакомились плотью ящериц. Пришло ли в голову Атауальпе, что здесь можно будет забыть войну? Не исключено. Но только был ли он приспособлен к мирной жизни? Стечение обстоятельств, возобладавших над его судьбой, затрудняет ответ. Скажем так: мир не заглядывал к нему в колыбель.

Между тем страх постепенно оставлял сердца и в то же время в свите вновь воцарился церемониальный порядок: метельщики в клетчатых хитонах расчищали путь, за ними следовали танцовщики и певцы, затем всадники в золотых доспехах, вослед которым появлялся сам император на троне в окружении стражей янакуна [20], за ними полководцы на конях, придворные сановники, причем самые знатные, также перемещались в паланкинах, сестра-супруга правителя Койя Асарпай, двоюродная сестра и будущая супруга – совсем юная Куси Римай и не менее юная сестра, маленькая Киспе Сиса [21], вторые жены, наложницы, жрицы культа Солнца, слуги, пешие воины, и, наконец, тянулся плавный поток уцелевших китонцев. Кискис и его бойцы замыкали это вереницей бредущее поголовье.

Только пришлось кортежу остановиться. Авангард шествия дружно отступил в сторону, пропуская паланкин с Верховным инкой. Перед ними появились сорок всадников – без одежд, с перьями на головах, тела и лица у них были раскрашены, а в руках – оружие. На плече у командира лежала странного вида палка, обитая железом. Он явно не собирался пропускать чужеземный отряд вглубь своих территорий – пришлось начать диалог. Звали его Атуэй [22], он служил царице Анакаоне. Не зная порядков, обращался он напрямую к Верховному инке, глядя ему в глаза, не преклонив колено и даже не спустившись с лошади. Отвечать ему Атауальпа велел Чалкучиме. Все равно чужой язык никто не понимал. Но условились повстречаться с царицей – в месте под названием Баракоа. Вероятно, Атауальпа не решился сразу разделаться с незнакомцами, преградившими ему путь. И не менее вероятно, что Атуэй почувствовал его нерешительность, ибо направил палку вверх и, точно молнией, под громовые раскаты поразил красноголового урубубу [23], посеяв панику среди китонцев. В памяти всплыли древние легенды. «Тор!» – раздался голоса. Даже великан Руминьяви вжал голову в плечи, словно на них грозило обрушиться небо. Один Атауальпа сохранил полную невозмутимость. Сын божественного Солнца не боялся молний. Однако счел благоразумным отпустить Атуэя целым и невредимым.

В других обстоятельствах он казнил бы всех дрогнувших до последнего, но поверженный император не имел права разбрасываться людьми и тем более не намерен был лишаться лучшего полководца.

5. Баракоа

Они вышли к морю и поняли, что остров – это узкая полоса, которую можно пройти пешком поперек за несколько дней. Попали они в эти земли не как завоеватели, а как беглецы, и это не могло не сыграть свою роль в судьбе Кубы и всего мира. Перед собственным появлением Атауальпа послал вперед гонцов и нагрузил их дарами. Среди подношений были золотая посуда, хитоны, попугаи. В ответ царица приняла его как давнего союзника – под звуки тамбуринов, устроив игры и танцы, осыпав дождем цветов. Кorteж встречали слуги с пальмовыми ветвями и букетами. Деревня сияла чистотой. На побеленных хижинах висели гирлянды из листьев. Полководцы Атауальпы обратили внимание на вытянутые строения с поросшими травой крышами и пустую кузню, из которой еще тянулся струйкой белый дым. На берегу среди свободно пасущегося скота высились остовы двух гигантских лодок. Все было готово к пиру. Царица пригласила Верховного инку занять место рядом с ней. Атауальпа не всегда был надменным, как его брат: он счел, что правильно будет отнестись к ней как к равной, и стал вкушать блюда, которые ему подавали. Была в этой женщине, в ее увядающей красоте, благородная изысканность, которая ему нравилась.

Празднества продолжались до глубокой ночи и возобновились на следующий день. Китонцы были в восхищении. И все же в разгар игр и песнопений Анакаона соизволила сделать намек: Атуэй, ее племянник, правивший этой частью острова, устроил представление и разыграл сцену битвы. Обнаженные всадники преследовали людей в белых хитонах, которые защищались длинными палками, обитыми железом. Палки были задраны вверх, и вновь гостей ужаснул невероятный грохот, но в результате всадники одержали победу и – важная деталь – забрали огненное оружие. Наблюдая, как его полководцы изо всех сил стараются скрыть нервозность, Атауальпа сделал вывод, что намек они поняли. Выходит, сюда по морю явились чужеземцы почти сорок жатв тому назад, прибыли они на тех самых судах, выброшенных на берег, и были побеждены. Дочь царицы Игуэнамота с большой охотой рассказала ему эту историю. Тогда инка поклялся, что вовсе не собирается разжигать войну и пришел как изгнанник в поисках приюта. Китонцы смиренно просят убежища у таино – так называл себя народ Анакаоны. Кстати, у них тоже был культ Тора, этого младшего божества неизвестного происхождения.

6. Уаскар

Кто знает, сколько еще Верховный инка мог бы пользоваться гостеприимством. Праздность будто и не тяготила его, обходительность царицы была приятна. На самом деле ее рассказы о чужеземцах, явившихся с востока, казались невероятными. Он узнал, что огненным палкам, чтобы из них вырывался гром, требуется какой-то порох, а на острове его нет или не хватает, так что расход строго ограничен – только по особым случаям, к каковым, несомненно, относится появление чужеземцев. Узнал он также, что предыдущие гости были одержимы двумя вещами: своим божеством и золотом. Они любили ставить кресты. И все до последнего были теперь мертвы.

Китонцам пребывание в Баракоа принесло одни удовольствия. Они без труда растворились среди хозяев, некоторые даже скинули одежды и стали ходить нагими, а тайно ради забавы примеряли их хитоны. Память о минувших испытаниях постепенно стиралась, а настоящее протекало, словно песок сквозь пальцы.

Но грядущее, до поры до времени сокрытое тенью, неумолимо их настигло.

Разведчики Анакаоны донесли, что на соседний остров, Ямайку, высадились новые чужеземцы, неотличимые от китонцев, разве что больше числом. Пришлось Атауальпе сообщить царице, что его разыскивает брат и намерения у него отнюдь не мирные. Вокруг Анакаоны собрался совет, там были ее дочь и племянник, позвали Атауальпу – вместе с полководцами и сестрой-супругой Койей Асарпай.

Чего хочет Уаскар? Что означает его упорство? Выходит, он боится возвращения брата, раз отправился так далеко от Куско и так надолго? Тайно эти вопросы не волновали: они опасались, как бы им не аукнулась эта братоубийственная война. Разгневанный Атуэй так сказал Верховному инке: «Уходи хоть в горы, хоть к морю, чтобы тебя здесь не было!» Снова бежать – но куда? Китонцы уже и не знали. Атауальпа видел, как его полководцы растерянно переглядываются. Игуэнамота указала им на море: «Ответ перед вами». На восток – но как? Где эти земли? Далеко ли? Им показали карты, найденные на судах. Атауальпа и его подданные непонимающе разглядывали изображения мира без Куско. Они никак не могли разобрать мелкие символы, начертанные на листах. В детстве Игуэнамота научилась говорить на языке незваных гостей, но систему их письма не освоила. Знали бы они, насколько неверны эти карты, ни за что бы не решились шагнуть в никуда.

Но как пересечь море? И вновь подсказала Игуэнамота: большие лодки, брошенные у берега, прошли в одну сторону, значит, могут пройти и в другую. Только древесина прогнила, для плавания они непригодны, и к тому же китонцы, которых предстоит взять с собой, на двух судах не уместятся, даже на таких огромных. Зато в свите Атауальпы лучшие плотники империи. И вот был дан приказ отремонтировать лодки и построить третью, еще больше. Чалкучима призвал своих инженеров, они сделали чертежи гигантской конструкции по образцам, которые видели перед собой, и по рассказам Анакаоны с дочерью. Те описывали огромное судно, когда-то разбившееся о скалы и до последней доски унесенное волнами.

Разведчики Анакаоны следили между тем за Уаскаром. Армия Куско пока оставалась на Ямайке, китонцам повезло: никто не знал, где их искать. Жителям архипелага приказали всеми способами сбивать незваных гостей со следа. Рано или поздно Уаскар выследит брата, но пусть сначала поблуждает по окрестным землям: каждый день, который уйдет на прочесывание очередного острова, будет в пользу мастеров Атауальпы. Если понадобится, преследователей направят на Гаити, откуда родом Анакаона, чтобы выиграть еще время.

Люди Атауальпы тесали бревна и резали доски. Женщины шили разноцветные паруса. Тайно выплавляли тысячи гвоздей и окунали их в масло, защищая от ржавчины. Остовы наполнялись жизнью, преображались, подобно змее, сбрасывающей старую шкуру. Их медленное

возрождение давало надежду на благополучный исход для обоих народов: при недолгой любви есть шанс расстаться друзьями. Конечно, когда китонцы отчаются, вздохнуть с облегчением сразу не получится: нет гарантии, что суда дойдут туда, откуда пришли, а Уаскар в досаде, что добыча снова ускользнула, не отомстит тайно. Но расторопность лесорубов, плотников, швей и кузнецов делала худшее менее вероятным.

С другой стороны, хочешь не хочешь, а на круги своя ничто не вернется. Ось мира неустойчива, не так ли? Койя Асарпай, сестра-супруга, пускаться в странствие не хотела, ее беспокойство многие разделяли, хоть и с усердием принялись за дело. «Брат мой, это же безумие», – говорила она. Страх перед неизвестным боролся в ней со страхом перед очевидным. Она ужасалась при мысли, что где-то поблизости бродит армия Уаскара, но с не меньшей дрожью вглядывалась в горизонт. Как представить себе, что там, за морями? Атауальпа умел находить нужные слова: «Сестра, мы увидим, откуда приходит бог Солнце». Он понимал, что народу нужен вождь, и не стал обременять себя протоколом, на этот раз обратившись ко всем так: «Время Империи Четырех Четвертей прошло. Мы отправимся туда, где нас ждет новый мир, он не беднее нашего, и земель там немерено. С вашей помощью император ваш станет Виракочей [24] нового времени и, служа Атауальпе, вы обеспечите почет многим поколениям своих семей и айлью [25]. Если пойдем ко дну – так тому и быть. На дне морском обретем свой Пачакамак. Ну а если доберемся... Вот будет странствие! Так вперед, в путь, к Пятой Четверти!» И китонцы, которым эти слова придали уверенности и отваги, дружно подхватили: «В путь, к Пятой Четверти!»

Однако три судна не могли вместить всех – тем более что Атауальпа не собирался жертвовать своим обозом. Надо было погрузить посуду, одежды, скот, продовольствие. Со слов Анакаоны он понял, что стоит взять побольше золота. И стал лично отбирать претендентов на участие в плавании – в зависимости от их положения и пользы: знать, воины, чиновники империи (счетоводы, архивариусы, прорицатели), ремесленники, женщины... Получилось не больше двухсот человек, но суда все равно были перегружены. С собой взяли несколько лошадей, лам, куи – для пропитания. Атауальпа не пожелал расставаться ни со своей пумой, ни с попугаями.

Незадолго до отъезда Игуэнамота пришла к императору и сказала: «Позволь мне отправиться с вами». Атауальпа понял, что принцесса всю жизнь не переставала думать о загадочной стране, откуда некогда явились бледнолицые мужчины. И решил, что она ему пригодится.

Наконец пришел день отплытия. Китонцы, не попавшие на суда, утирали слезы. Анакаона поцеловала дочь. Атауальпа в окружении полководцев в последний раз отдал почести принявшему его острову: ему было не избавиться от мысли, что он не скоро увидит его вновь.

7. Лиссабон

Плавание началось.

За время странствия Игуэнамота стала наложницей Атауальпы. Молодой император полюбил эту женщину, годившуюся ему в матери и по собственной воле оставившую родную страну ради преданий, которые помнила с детства.

Вместе они подолгу склонялись над старыми картами, найденными на борту, пытаясь их расшифровать. Ученые Атауальпы поняли, как пользоваться инструментом, помогающим ориентироваться по звездам, так что корабли держали курс не отклоняясь.

Однажды утром Руминьяви явился к Атауальпе в опочивальню, когда тот пил аку со своей возлюбленной. Снаружи в небе кружили белые птицы – значит, где-то поблизости земля. К тому моменту, когда она наконец показалась на горизонте, недели, проведенные подле императора, принесли дочери Анакаоны прекрасное знание кечуа (этот язык Атауальпа предпочитал языку аймара, но говорил с характерным для Кито акцентом).

Они пошли вдоль открывшегося им берега. Как-то ночью, перед рассветом, случилось необъяснимое явление, напугавшее корабельные команды: море вдруг забурлило, хотя не было ни ветерка. Этот неслышный ураган чуть не разбил все три обессиленных корабля. Было бы жестоко встретить смерть, когда до земли рукой подать и все указывает на то, что путь завершен. Только проворство кормчих не позволило судьбе сыграть с ними злую шутку.

Их внесло в устье гигантской реки. Впереди возникла широкая каменная башня: она словно выросла из вод, чтобы никого не пропускать с моря. Зеленовшие по правую руку холмы позволяли рассчитывать на приветливость этих мест. Но при взгляде на затопленную долину слева становилось ясно, что разгневанная река вырвалась из своего русла. Вдоль берега тянулось огромное сооружение из белого камня – такого размаха, что сравниться с ним могли только дворцы Куско. Птицы не пели. Тишина встревожила странников, однако они не проронили ни слова.

Атауальпа приказал подойти к башне. Ее стены были украшены скульптурами невиданных зверей. Всеобщее любопытство привлек тапир, из морды которого торчал большой рог. А еще на камне были вырезаны кресты – Игуэнамота узнала в них символ чужеземцев из ее прошлого. Так они поняли, что достигли цели.

Суда продолжали идти вдоль берега. Им открылось донельзя странное зрелище. Каменные дома стояли в руинах. На холмах полыхали пожары. Земля была усыпана трупами. Среди развалин бродили мужчины, женщины, псы. Первыми звуками, которые услышали китонцы в Новом Свете, были лай и детский плач.

Река разлилась широко, словно озеро. Кормчим пришлось лавировать среди обломков полузатопленных судов. Наконец они обнаружили такую просторную площадь, что размерами она не уступала цитадели Саксайуаман: туда, похоже, выбросило множество разных лодок и кораблей – они лежали с покореженными килями, пробитыми бортами и сорванными мачтами. Слева великолепный дворец с заостренной башней как будто рухнул под собственным весом. Они сошли на берег.

О том, какой роскошной не так давно была эта площадь, теперь можно было только догадываться: она превратилась в болото. Сандалии гостей тонули в грязи, вода доходила до щиколоток, не исключая императорских: Атауальпа на всякий случай не стал призывать носильщиков, учитывая, что из-за луж почва довольно сильно размякла.

Им навстречу двигались обезумевшие человеческие тени в каких-то лохмотьях: они огибали разбитые корабли, еле волоча ноги, взгляд у них был пустой, иногда, точно слепые, они натывались на какое-нибудь препятствие, а когда наконец замечали гостей, то смотрели на них с бессмысленным выражением, непонимающе, и не выказывали ни малейшего удивления.

Временами со стороны города доносился зловещий треск, а следом – крики, переходившие в жалобные стенания.

Холод не чувствовался, но воздух был колючий. Привыкшие к суровости голых Анд китонцы не обращали на это внимания, зачарованные скорбным зрелищем, открывшимся их недоверчивым взорам. Но в Игуэнамоте, которая привела их сюда, на край света, текла кровь таино. На своих островах она знала лишь два времени года – засушливое и влажное, и оба – теплые. Атауальпа заметил, что она дрожит всем своим обнаженным телом. Корабельные команды устали за время странствия, все были на пределе. Инка решил, что пора сделать привал и где-нибудь укрыться. Но когда вокруг одни руины, где найти кров для ста восьмидесяти трех человек, тридцати семи лошадей, пумы и нескольких лам? Они вернулись к сооружению, замеченному ниже по реке, – единственному, которое, как и башня, выросшая из воды, казалось неповрежденным.

Это был длинный дворец с множеством выступов, укрепленный тонкими, заостренными, как копья, колоннами, словно подпиравшими его, с широкими прорезями сводчатых окон и россыпью изящных симметричных башен, над которыми возвышалась главная, массивная, с куполом: меловой камень удивительно тонко обработали – техника напоминала резьбу по кости.

Странные там были обитатели: мужчины, с выбритыми макушками, в коричневых и белых платьях, стояли на коленях, сложив ладони и закрыв глаза, и что-то бормотали себе под нос. Наконец они заметили гостей и, как испуганные куи, забежали туда-сюда, пронзительно вскрикивая и шлепая по булыжникам сандалиями. Один из мужчин в платьях – с золотым кольцом на правой руке, самый спокойный и выдержанный, выступил вперед и обратился к ним. Атауальпа спросил у своей наложницы, понимает ли она их язык, но та узнавала лишь отдельные слова – *providencia*, *castigo*, *India*³, – а строение фраз разобрать не могла, хотя и оно было чем-то знакомо. Игуэнамота решила, что ее давние беседы с чужестранцем успели кануть в колодезь памяти, сохранившей от его языка лишь разрозненные фрагменты. Впрочем, люди хоть и были напуганы, но выглядели безобидными. Атауальпа приказал своему отряду здесь и обосноваться. Скот вывели с кораблей, мужчин и женщин разместили в просторной столовой. Игуэнамота обратилась к золотому кольцу: «*Comer*»⁴. Она увидела, что ее поняли. Им принесли поесть: горячий суп и лепешки с хрустящей корочкой и воздушной мякотью, которые им пришлось весьма по вкусу, ведь они были очень голодны. Они также попробовали черный с красным отливом напиток.

Так долгое странствие наконец завершилось. Все – мужчины, женщины, лошади и ламы – выжили в море. И ступили на левантинскую землю.

Река снаружи заиграла золотыми отблесками, а может, это была солома, плававшая на поверхности.

В глубине дворца находилось священное место, украшенное полупрозрачными плитками – красными, желтыми, зелеными, синими. Свод напоминал паутину, вырезанную из камня, и был выше, чем во дворце Пачакути. В дальнем конце здания на богато украшенном постаменте – правда не покрытом сплошь золотом, как это было бы в Доме Солнца [26], – возвышалась статуя худотелого человека, приколотенного к кресту. Постриженные испытывали здесь поистине священный трепет. Китонцы сразу поняли, что перед ними местная уака [27]. Кто этот приколотенный бог? Скоро им предстоит об этом узнать.

³ Провидение, кара, Индия (порт., исп.).

⁴ «Есть» (порт., исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.